

СФ

**С О В Е Т
Ф Е Д Е Р А Ц И И**

ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Информационно-аналитическое управление
Аппарата Совета Федерации

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 28 (878)

**«О вопросах дальнейшего
совершенствования законодательства
в сфере деятельности Федеральной
службы исполнения наказаний
(ФСИН России)»**

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
АППАРАТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 28 (878)

О ВОПРОСАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
(ФСИН РОССИИ)

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

30 октября 2024 года в Совете Федерации под председательством заместителя Руководителя Аппарата Совета Федерации А.С. Краско состоялся семинар-совещание Информационно-аналитического управления (далее — Управление) на тему «О вопросах дальнейшего совершенствования законодательства в сфере деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России)» (далее — семинар-совещание).

В работе семинара-совещания приняли участие сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний, Министерства юстиции Российской Федерации, Академии ФСБ России, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, учёные и эксперты.

Актуальность темы мероприятия обусловлена резким увеличением количества происшествий, связанных со сферой деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, многие из которых стали следствием несовершенства существующей нормативно-правовой базы.

В аналитическом вестнике представлены материалы Управления, стенограмма семинара-совещания, материалы участников и итоговые рекомендации. Материалы вестника могут быть использованы в работе сенаторами Российской Федерации, депутатами Государственной Думы, представителями экспертного сообщества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список участников семинара-совещания	4
Введение	7
Выступления участников семинара-совещания	
А.С. Краско, заместитель Руководителя Аппарата Совета Федерации	10
И.А. Кулагин, начальник Управления режима и надзора Федеральной службы исполнения наказаний	11
Г.С. Шкабин, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний	12
А.М. Плешаков, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний	17
А.П. Скиба, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осуждёнными Академии Федеральной службы исполнения наказаний	19
А.А. Чистяков, профессор кафедры уголовного права Юридического института Российского университета дружбы народов	20
В.И. Михайлов, профессор кафедры публичного и международного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации	21
С.И. Гирько, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук	23
С.Ф. Милюков, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена	25
В.В. Меркурьев, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации	27
Е.В. Безручко, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета	30
Е.Н. Карабанова, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера Университета прокуратуры Российской Федерации	32
А.А. Терехов, заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству	38
Рекомендации семинара-совещания	41
Материалы участников семинара-совещания	42
Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», подготовленный ФСИН России	83

**СПИСОК УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА-СОВЕЩАНИЯ НА ТЕМУ
«О ВОПРОСАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
(ФСИН РОССИИ)»**

Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

КРАСКО Александр Сергеевич	— заместитель Руководителя Аппарата Совета Федерации
ПЕТРОВ Андрей Евгеньевич	— начальник Информационно-аналитического управления
ЧЕБОТАРЕВ Андрей Николаевич	— заместитель начальника Информационно-аналитического управления
ОВЕРЧУК Даниил Сергеевич	— заместитель начальника отдела анализа государственного строительства Информационно-аналитического управления
ТЕРЕХОВ Андрей Александрович	— заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству
АНТОНОВА Елена Николаевна	— главный советник аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству
ЦЫМБАРЕНКО Игорь Борисович	— ведущий консультант аппарата Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности

Министерство юстиции Российской Федерации

ВОРОБЬЕВА Мария Викторовна	— заместитель начальника отдела государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы

Федеральная служба исполнения наказаний

ГОРОДНИЧАЯ Надежда Николаевна	— начальник Правового управления
КУЛАГИН Игорь Анатольевич	— начальник Управления режима и надзора

Эксперты

АНТОНЯН Елена Александровна	— заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
БЕЗРУЧКО Евгений Валерьевич	— доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

ГИРЬКО Сергей Иванович	— доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук
ЖИЛКИН Максим Геннадьевич	— доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
МИХАЙЛОВ Валентин Иванович	— доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры публичного и международного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович	— доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации
МИЛЮКОВ Сергей Федорович	— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
КАРАБАНОВА Елена Николаевна	— доктор юридических наук, старший советник юстиции, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера Университета прокуратуры Российской Федерации
ПЛЕШАКОВ Александр Михайлович	— доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний
РУССКЕВИЧ Евгений Александрович	— профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
СКИБА Андрей Петрович	— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осуждёнными Академии ФСИН России
ШКАБИН Геннадий Сергеевич	— доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний
ЧЕКУЛАЕВ Сергей Юрьевич	— сотрудник Академии ФСБ России
ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич	— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов

Введение

1. За последние 5 лет федеральным законодателем проделан большой объём работы по совершенствованию уголовно-исполнительной системы. Приняты:

21 закон, вносящий изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации;

Так, с 1 августа 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». За время действия указанного закона в него было внесено 13 изменений, в том числе:

о включении в стаж службы в уголовно-исполнительной системе в том числе и периодов прохождения службы в органах принудительного исполнения;

о повышении предельного возраста пребывания на службе в уголовно-исполнительной системе: для генерал-майоров и генерал-лейтенантов внутренней службы — с 60 до 65 лет, для полковников внутренней службы — с 55 до 60 лет, для майоров и подполковников внутренней службы — с 50 до 55 лет. Для кандидатов и докторов наук, работающих в образовательных или научных организациях ФСИН России, был установлен максимальный возраст пребывания на службе в уголовно-исполнительной системе в 65 лет;

о запрете принимать на службу в уголовно-исполнительную систему лиц, имеющих статус иностранного агента, и о расторжении служебного контракта с связи с приобретением сотрудником указанного статуса;

об освобождении сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы от ответственности за несоблюдение ограничений, запретов и неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством в целях противодействия коррупции, если такое несоблюдение или неисполнение явилось следствием не зависящих от сотрудника обстоятельств.

10 федеральных законов, направленных на улучшение социального статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы;

Изменения в Закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», в том числе:

о назначении всем нетрудоспособным членам семьи погибшего сотрудника учреждения и органа уголовно-исполнительной системы, являющимся получателями пенсии по потери кормильца, повышений к пенсии, предусмотренных для соответствующей льготной категории их кормильца, независимо от отнесения самих нетрудоспособных получателей пенсии к указанной льготной категории;

об уточнении порядка расчёта пенсии по выслуге лет для пенсионеров из числа бывших сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, призванных на военную службу по мобилизации или заключивших контракт о прохождении военной службы.

7 федеральных законов, вносящих изменения в Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

В том числе:

о наделении Министра юстиции правом без специального разрешения посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы;

о создании в уголовно-исполнительной системе учреждений объединённого типа (исправительных колоний, в которых созданы изолированные участки с различными видами режима, изолированные участки, функционирующие как тюрьма, а также помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов).

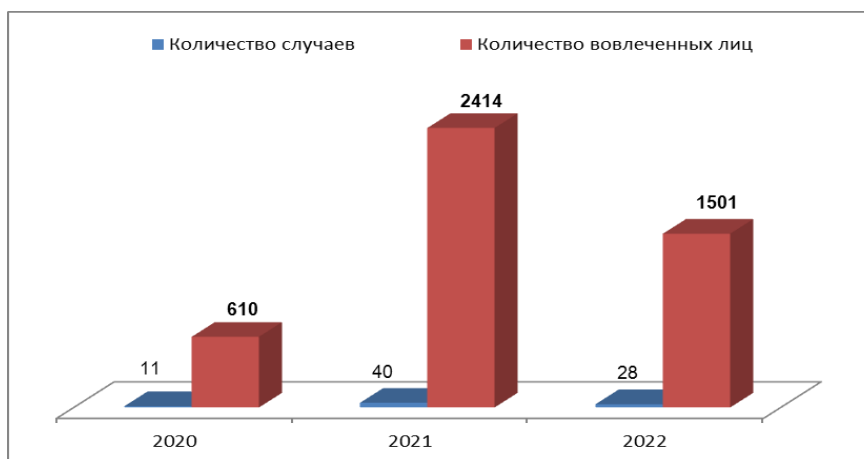
В Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в 2022 году было внесено изменение, предусматривающее, что для лиц, содержащихся в воспитательных колониях, обеспечиваются условия для получения начального общего, основного общего и среднего общего образования в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении ФСИН России.

2. В то же время, несмотря на большую проделанную работу, тематика правонарушений со стороны лиц, отбывающих наказание, **всё чаще звучит в информационном пространстве.** Это и двойной побег осуждённых в Липецкой области и Забайкальском крае, и недавние печально известные события **в городе Суровикине¹** Волгоградской области, и случаи в Ростове-на-Дону², Черкесске³, Владикавказе, Иркутской и Самарской областях. Такие происшествия нередко сопровождаются не только уничтожением имущества, но и жертвами среди сотрудников исправительных учреждений.

В этой связи в экспертном сообществе активно поднимаются проблемные вопросы розыска и задержания лиц, уклоняющихся от отбывания наказания; правомерности применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы; привлечения к ответственности за оскорбления сотрудников исправительных учреждений.

Экспертами отмечается, что к одному из наиболее важных и требующих реагирования проблемных вопросов относится ежегодный рост числа групповых воспрепятствований осуждённых законным требованиям сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы.

В большинстве таких случаев лица, обладающие криминальным авторитетом, склоняют других осуждённых к групповому отказу от приёма пищи, голодовкам, членовредительству, прекращению или невыходу на работу, уничтожению имущества исправительного учреждения, воспрепятствованию выполнению сотрудниками исправительных учреждений своих служебных обязанностей.

Организация групповых воспрепятствований активно используется лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, и другими лидерами преступной среды. Целью таких действий является оказание давления на руководство администрации исправительных учреждений для ослабления режимных требований

¹ В колонии строгого режима № 19 города Суровикина 24 августа 2024 года в результате действий приверженцев радикальных течений ислама погибло 4 сотрудника колонии, ещё 4 получили ранения. Ход расследования происшествия находится на личном контроле у главы СК России А.И. Бастрыкина.

² В Ростове-на-Дону 16 июня 2024 года 6 террористов запрещённой в России организации ИГ, находясь в СИЗО, взяли в заложники 2 сотрудников ФСИН.

³ 18 февраля 2022 года 21 заключённый устроил беспорядки в СИЗО-1 Черкесска (КЧР).

и получения незаконных преимуществ и льгот. **Как отмечают оперативные службы ФСИН России**, подобные деяния препятствуют исправлению осуждённых, ведут к дестабилизации деятельности исправительных учреждений и негативно влияют на обеспечение безопасности в местах лишения свободы.

3. В законодательстве Российской Федерации отсутствует такой состав преступления, как организация групповых воспрепятствований законным требованиям администрации исправительного учреждения, при этом **общественная опасность таких преступлений крайне высока.**

То есть в случае, если заключённый угрожает другому заключённому применением физической силы, есть состав преступления, предусмотренный УК РФ; но если лицо склоняет несколько лиц (группу лиц), не используя угрозу насилия, при этом фактически оно так же дезорганизует деятельность исправительного учреждения (даже в больших масштабах), то преступлением это не является и признаётся только дисциплинарным проступком.

Как отмечает ФСИН России, по 90% материалов, направленных в Следственный комитет Российской Федерации **для возбуждения уголовного дела** в связи с совершением такого рода деяний, **принимаются решения об отказе** в связи с отсутствием физического насилия или угрозы его применения в отношении осуждённых.

Организация группового воспрепятствования законным требованиям администрации исправительного учреждения не может квалифицироваться ни по ст. 212 УК РФ («Массовые беспорядки»), ни по ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») по причине отсутствия в таких действиях физического насилия, а установить наличие угрозы его применения процессуальными средствами фактически невозможно.

Данная норма ранее содержалась в Уголовном кодексе РСФСР от 27.10.1960, однако впоследствии была изъята в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году.

Так, в соответствии со ст. 188.3 УК РСФСР «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения», за совершение такого рода преступных деяний предусматривалась ответственность в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет.

4. В законодательстве ряда дружественных государств предусмотрена уголовная ответственность за воспрепятствование законным требованиям сотрудников исправительных учреждений.

Такие нормы содержатся в уголовных кодексах Республики Беларусь (ст. 411), Республики Казахстан (ст. 360), Киргизской Республики (ст. 372), Республики Узбекистан (ст. 221).

Выступления участников семинара (по материалам стенограммы)

г. Москва, Совет Федерации

30 октября 2024 года

А.С. КРАСКО

За последние пять лет федеральным законодателем проделан очень большой объём работы по совершенствованию уголовно-исполнительной системы. Был принят 21 закон, вносящий изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 10 федеральных законов по улучшению социального статуса сотрудников системы и членов их семей, а также ряд федеральных законов, направленных на улучшение условий содержания осуждённых и повышение доступности образовательного процесса.

В то же время, несмотря на все принимаемые государством меры, тематика правонарушений со стороны лиц, отбывающих наказания, всё чаще и чаще звучит в нашем информационном пространстве. Это и последние новости — двойной побег осуждённых в Липецкой области, Забайкальском крае, недавние печальные известные события в городе Суrowsикине Волгоградской области, в Ростове-на-Дону, Черкесске, Владикавказе, Иркутской, Самарской областях и некоторые другие.

Я уверен, что мы эти вопросы обязательно затронем сегодня и попробуем понять, почему это всё не приводит к тем результатам, к которым мы все с вами стремимся.

Также, к большому сожалению, такие происшествия сопровождаются не только уничтожением имущества, но и жертвами среди сотрудников исправительных учреждений. В целом за последние три года в учреждениях пенитенциарной системы фиксируется стабильный ежегодный рост числа групповых протестных акций осуждённых. Этим инструментом сейчас активно пользуются лидеры преступной среды, которые пытаются оказать давление на руководство администраций учреждений для ослабления режимных требований, получения незаконных преимуществ и льгот. Также мы говорим о том, что здесь сейчас появляется и некая такая миграционная направленность этих преступлений.

Такая ситуация крайне отрицательно сказывается на процессе исправления осуждённых, ведёт к дестабилизации деятельности исправительных учреждений, негативно влияет на обеспечение безопасности в местах лишения свободы.

Понимая всю серьёзность темы, мы решили собрать в Совете Федерации ведущих экспертов в данной области, вместе с вами в таком широком кругу обсудить актуальные вопросы, проблемы и, конечно же, выработать конкретные предложения, инициативы, которые помогут нам в совершенствовании профильного законодательства. Мы решили, что это первоначальная ступенька. Сначала мы в рамках нашего семинара это всё проведём, и следующее — наши рекомендации мы будем докладывать в наш профильный комитет Андрею Александровичу Клишасу по этим вопросам.

Я благодарю вас всех за представленные очень содержательные материалы. Сегодняшний разговор, скорее всего, потребует их актуализации, поэтому прошу вас их доработать. Мы обязательно это всё включим в «Аналитический вестник», который будет издан по итогам мероприятия.

Прошу каждого выступающего постараться уложиться в регламентные пять минут, чтобы всем хватило времени.

Благодарю вас за внимание. И предлагаю сразу приступить к работе.

Коллеги, сразу хочу оговорить регламент: выступления — до 5 минут. Прошу вас в него укладываться.

Я предоставляю слово Игорю Анатольевичу Кулагину, начальнику Управления режима и надзора Федеральной службы исполнения наказаний, генерал-майору внутренней службы.

Прошу Вас, Игорь Анатольевич.

И.А. КУЛАГИН

Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники семинара-совещания! Прежде всего хочу поблагодарить Аппарат Совета Федерации за предоставленную возможность обозначить отдельные проблемные вопросы, в том числе требующие внесения изменений в законодательство Российской Федерации.

Федеральной службой исполнения наказаний проводится планомерная работа по совершенствованию нормативно-правовой базы, регламентирующей основные положения порядка и условий исполнения уголовных наказаний с учётом современных реалий и специфики возникающих проблем. Одной из них является воспрепятствование установленному законом порядку отбывания наказаний. В совершение данных противоправных действий могут вовлекаться группы подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, что фактически способно дестабилизировать деятельность учреждений, а впоследствии привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, причинению значительного имущественного вреда.

При этом уголовная ответственность за вовлечение или активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждений уголовно-исправительной системы законодательно не предусмотрена.

Также один из вопросов, который требует дополнительной проработки, — это противоправные действия подозреваемых, обвиняемых, осуждённых в отношении сотрудников учреждений и органов УИС. Статистические данные за третий квартал текущего года показывают, что по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось количество оскорблений сотрудников.

Согласно результатам анализа, проведённого Научно-исследовательским институтом ФСИН России, фактически в половине случаев выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении лиц, содержащихся в учреждениях, по фактам оскорбления сотрудников, что преимущественно связано с отсутствием предусмотренного в статье 319 Уголовного кодекса обязательного признака публичности оскорбления представителя власти. Публичность оскорбления предполагает при его совершении присутствие хотя бы одного постороннего лица, однако в исправительных учреждениях и следственных изоляторах таких лиц практически не бывает. При этом само оскорбление, как правило, осуществляется в присутствии других подозреваемых, обвиняемых, осуждённых, что порождает у них чувство безнаказанности и вседозволенности, приводит к утрате авторитета сотрудников, подрывает сам порядок отбывания наказания в виде лишения свободы и содержания под стражей, а также негативным образом влияет на обеспечение безопасности работников уголовно-исполнительной системы. Решением данной проблемы может стать внесение изменений в Уголовный кодекс и установление уголовной ответственности за оскорбление сотрудника без признака публичности.

Хочу обратить внимание на то, что уголовным законодательством уже регламентированы подобные ситуации, связанные с оскорблением в замкнутой

среде, где нет посторонних лиц. Речь идёт о частях первой и второй статьи 336 Уголовного кодекса, где отсутствует признак публичности при оскорблении военнослужащего во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы. Полагаем, что предлагаемые нами изменения законодательства будут способствовать обеспечению личной безопасности сотрудников, а также окажут положительное влияние на деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы. Более подробно по обозначенным проблемам и вопросам доложат мои коллеги. Спасибо за внимание.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное, Игорь Анатольевич. Краткость — всегда сестра таланта.

Слово предоставляется Геннадию Сергеевичу Шкабину, главному научному сотруднику Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний.

Пожалуйста.

Г.С. ШКАБИН

Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги! Сегодня вопрос относительно законодательного регулирования общественных отношений, возникающих в процессе исполнения наказаний, является достаточно актуальным. Конечно, наиболее важные общественные отношения в этой сфере охраняются уголовным законом: известная всем статья 321 («Дезорганизация деятельности учреждений...»), недавно появившаяся статья 321.1, направленная на предотвращение проникновения запрещённых предметов на территорию исправительных учреждений. Они, конечно, охраняют соответствующие общественные отношения, но нужно согласиться с Игорем Анатольевичем в том, что, к сожалению, существующие на сегодняшний день нормы в уголовном законе не в полной мере справляются с задачей уголовного законодательства. Речь идёт прежде всего о статье 319. Оскорбление именно сотрудников учреждений, которые обеспечивают изоляцию от общества, фактически сегодня не работает. И причина того — пресловутый признак публичности. При этом совершенно справедливо было отмечено, что в уголовном законе есть ряд норм, которые фактически регулируют схожие отношения в смежных сферах (военнослужащие, судьи), где признак публичности не требуется по той причине, что, допустим, у военнослужащих он в принципе не может быть, там предполагается, что деяние совершается в замкнутом пространстве, где не могут быть посторонние. То же самое у сотрудников исправительных учреждений и СИЗО. Поэтому, конечно, это вопрос важный и требует отдельного, на мой взгляд, серьёзного рассмотрения.

Ну а сегодня, как уже было отмечено, тема, на наш взгляд, тоже достаточно актуальная. Она связана с групповым воспрепятствованием деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Дело в том, что в учреждениях, которые обеспечивают изоляцию от общества (это исправительные колонии, тюрьмы, следственные изоляторы), давно известны ситуации, которые выражаются в том, что определённые лица, как правило, это лидеры криминальной среды, пользуясь своим авторитетом, воздействуют на другие группы осуждённых, заключённых и принуждают их к совершению действий, которые фактически дезорганизуют или воспрепятствуют деятельности этого учреждения. В целом такого рода деяния можно разделить на четыре формы воспрепятствования.

Первая наиболее распространённая — голодовки, которая фактически подпадает под неповиновение, когда лидеры дают команду, призывы к тому, чтобы другие

присоединились к голодовке, и осуждённые либо заключённые отказываются от приёма пищи.

Чуть поменьше по количеству совершённых случаев — это уничтожение или повреждение чужого имущества, 25 процентов составляет. Уничтожение может быть любого имущества. В последнее время наибольшее распространение получило уничтожение систем видеонаблюдения, камер.

Здесь хочу отметить опыт, который имеет место в Казахстане. После того, когда за короткий период было уничтожено более 700 видеокамер, у них сразу же появилась специальная норма в уголовном законе.

Следующее по объёму совершённых деяний — это членовредительство, 20 процентов. Ну и иные способы — 15 процентов.

Здесь нужно сказать, что, если одно лицо либо два совершит одно из этих перечисленных действий, будь то членовредительство, голодовка или уничтожение, повреждение имущества, это, по большому счёту, не скажется на деятельности учреждения. Но когда это совершают десятки, а порой и сотни осуждённых либо лиц, которые находятся в следственных изоляторах, то такого рода действия могут серьёзно дезорганизовать функционирование всего учреждения.

При совершении таких групповых воспрепятствований лидеры криминальной среды, которые фактически пытаются сформировать альтернативу государственной власти в учреждениях, выдвигают следующие требования: в большинстве случаев это протест на законные требования администрации. Например, администрация учреждения изымает обнаруженный сотовый телефон, либо домашнюю пищу, происходит соответственно организация подобного рода мероприятия. Требования послабления условий — это та же домашняя одежда, пища и тому подобное, что не предусмотрено режимными требованиями.

Меньше значительно, но тем не менее такие факты тоже зафиксированы, это требование смены руководства, что само по себе поражает: опять же это государственное учреждение, деятельность которого строго регламентирована законом, осуждённые позволяют себе требовать смены начальника отряда, а бывает, начальника всего учреждения.

Иные требования — это освобождение осуждённых из запираемых помещений, разрешение перевода в определённые отряды, отказ от разобщения групп и тому подобное. Это 13 процентов, тоже достаточно объёмная цифра.

Нужно отметить, что за последние годы количество подобных случаев серьёзно возросло. На слайде образно можно увидеть, по сравнению с 2010–2017 годами 2019–2023 годы.

Встаёт вопрос относительно правовой оценки подобного рода деяний. Здесь нужно привести краткое содержание статьи 116 Уголовно-исполнительного кодекса — это злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы, где помимо прочего предусмотрены два следующих дисциплинарных проступка. Это организация забастовок или иных групповых неповиновений, не дезорганизующих деятельность исправительного учреждения, или при отсутствии признаков преступления, а равно активное участие в них, а также организация группировок осуждённых, направленных на совершение указанных в настоящей статье правонарушений, равно активное участие в них.

Мы специально проводили исследование, собирали эмпирический материал, в том числе по статье 116. По данным видам дисциплинарных проступков практика

практически равняется нулю. Поинтересовались, по какой причине. Дело в том, что сама формулировка в этой части статьи 116, на наш взгляд, это чисто субъективное научное мнение, несколько некорректно. Дело в том, что «организация» вправе подразумевает определённые действия. Лицо должно подыскивать исполнителей, распределить между ними роли и тому подобное, то есть это конкретные действия. В условиях учреждения это бывает далеко не всегда. Это первый аргумент. Собрать материалы по данным фактам, если мягко сказать, то весьма проблематично.

В ходе проведения исследования нами проводились встречи с прокурорами, которые надзирают за исполнением наказания. Я у них тоже интересовался, встречались ли в их практике факты привлечения к ответственности за данные проступки, на что они ответили, что, конечно, не встречались. Но более того, если бы встретились, они гарантированно бы отменили данные взыскания по той причине, что организацию в условиях учреждения фактически установить затруднительно. Получается, что статья 116 в данных случаях не применяется.

Далее. Есть у нас статья 321, которая называется «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», и вроде бы, казалось, вот именно она должна регламентировать, стоять на страже правопорядка в учреждениях, которые обеспечивают изоляцию от общества. Но, уважаемые коллеги, я обращаю ваше внимание на то, что здесь есть два обязательных признака объективной стороны данного преступления — это либо применение насилия, либо угроза применения насилия. Осуждённые либо лица, которые содержатся в следственных изоляторах, уже прекрасно зная, что это является уголовно наказуемым деянием, такие способы при совершении соответствующего деяния не используют, то есть используют фактически свой авторитет, угрозу, которая может применяться в условиях соответствующей среды.

Поэтому фактически все эти материалы, которые в исправительных учреждениях, следственных изоляторах собираются, направляются в Следственный комитет для возбуждения уголовного дела либо по статье 321, либо по статье 167 (уничтожение и повреждение имущества), по статье 110, когда речь идет о членовредительстве, (доведение до самоубийства), это массовые беспорядки. Рассмотрение 96 процентов подобного рода материалов заканчиваются практически ничем, то есть это отказ в возбуждении уголовного дела, что вполне справедливо, поскольку ни насилия нет, ни угрозы применения насилия нет, нет цели доведения до самоубийства, потому что там предполагается обязательно наличие цели доведения до самоубийства. А в рассматриваемых ситуациях цель у лиц, у лидеров, — это оказать воздействие, как Игорь Анатольевич сказал, на принятие решения администрацией учреждения.

Поэтому по факту мы имеем парадоксальную ситуацию, когда, с одной стороны, за угрозу применения насилия у нас в Уголовном кодексе предусмотрено наказание до 5 лет лишения свободы, а, с другой, когда один осуждённый, лидер, пользуясь своим авторитетом, фактически манипулирует действиями десятков осуждённых, и в последнем случае получается, что ответственности никакой не предусмотрено. Хотя если соотнести общественную опасность первого и второго деяния, я думаю, что ни у кого не возникнет сомнения, что второе деяние гораздо более общественно опасное.

Уважаемые коллеги, я хочу обратить ваше внимание на то, что данная проблема неоднократно поднималась, рассматривалась на различных уровнях, органы государственной власти на это обращали внимание. И необходимость криминализации

этого деяния возникла далеко не в науке, хотя среди учёных давно имеются в открытой печати публикации, предложения о криминализации подобного рода деяний. Органы государственной власти об этом неоднократно говорили.

В ходе проведённого исследования авторским коллективом, который я возглавляю, разработан проект статьи 321.2, которую мы предлагаем назвать «Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Считаем, что диспозиция этой статьи должна состоять из трёх частей.

В первой части предусмотреть ответственность за склонение либо иное вовлечение, обращаю ваше внимание, без применения насилия либо угрозы его применения в групповом воспрепятствовании.

Затем предусмотреть уголовную ответственность за активное участие, потому что такие факты тоже распространены, всегда есть лидеры и рядом с ними те, кто готов себе сделать карьеру в криминальной среде и поддержать. Такие факты всем известны, они в публичных источниках, в том числе и видео таких достаточно.

И последнее — это призывы к групповому воспрепятствованию как отдельный способ вовлечения в подобного рода деяние. Также предлагаем сформулировать примечание к этой статье, где предусмотреть понятие группового воспрепятствования и предусмотреть специальный вид освобождения от уголовной ответственности во втором примечании, согласно которой лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью второй, где речь идет об участии, освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления активно способствовало раскрытию или расследованию преступления, если в его действиях не содержится иного состава преступления. То есть нужно всегда предусматривать возможность человеку реабилитироваться, дать возможность не быть привлечённым к уголовной ответственности.

Продолжаю. Коллеги, у всех на столах имеются папки, называется «Научно-исследовательский институт», где проект этого закона располагается, в этой папке, можно с ним ознакомиться.

Хочу обратить ваше внимание на следующий слайд.

Дело в том, что некоторые критики, которые, не знаю, были ли вообще, а если были, то очень давно посещали исправительные учреждения, ссылаются на решение Конституционного Суда о том, что криминализация подобного рода деяний должна совершаться только после того, когда испробованы все предусмотренные иными отраслями законодательства средства. Вот у вас на слайде примерное содержание этих решений Конституционного Суда. Он в нескольких своих определениях и постановлениях неоднократно отражал, в том числе и в 2023 году, совсем недавно.

То есть применяется ли отраслевое законодательство? Здесь я хочу вам привести данные, характеризующие лиц, которые совершают рассматриваемые воспрепятствования. Пожалуйста, по результатам нашего исследования, 90 процентов лиц, совершивших вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, были ранее судимы. Обратите внимание на 57 процентов. Некоторые из них судимы два и более раз. Это лица (опять-таки я высказываю свою субъективную точку зрения, но у меня сложилось такое убеждение), которые однозначно встали на путь криминальной «карьеры» (в кавычках, если так можно сказать). Это первое.

Следующее. Если говорить о дисциплинарных взысканиях, 91 процент всех лиц, которые установлены и совершили вовлечение (то есть это фактически организаторы)

в совершение этого воспрепятствования, были привлечены уже неоднократно (мы брали только в течение года, то есть это относительно короткий промежуток времени) к дисциплинарной ответственности. Из них 92 процента фактически были изолированы. Они были привлечены к дисциплинарной ответственности в виде содержания в штрафном изоляторе. Ну, что ещё? О чём говорить?

На мой взгляд, на взгляд моих коллег (сейчас Александр Михайлович Плешаков здесь тоже выступит), однозначно напрашивается вывод о том, что в данном случае меры дисциплинарного характера, применяемые к лицам, которые совершают подобного рода деяния, исчерпаны и никакого эффекта не дают, а значит то решение, на которое неоднократно обращал внимание Конституционный Суд, фактически здесь соблюдается, его можно положить в основу криминализации данного деяния.

Ещё интересный слайд, прошу обратить внимание, тоже подтверждает данный вывод. Вот, пожалуйста, 67 процентов подобных фактов вовлечения, речь идёт о вовлечении (наша основная задача, на мой взгляд, — криминализировать именно лидеров, тех, кто вовлекает), совершены тогда, когда они находились в камерных и запираемых помещениях.

У меня нет ни капли сомнений, что это лица, ставшие однозначно на путь деструктивного поведения. Здесь государство должно реагировать, на мой взгляд, однозначно.

Если говорить об опыте подобного рода законодательного регулирования, то можно привести следующий слайд. Этот опыт имелся и в Советском Союзе — в Уголовном кодексе РСФСР известная статья 188.3 «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» в 1983 году была введена. В 1996 году она была декриминализована, в новом кодексе она не устояла. Но при этом при этом в ряде бывших республик Советского Союза (Беларусь, Казахстан, Киргизия, Узбекистан) подобные нормы содержатся. Во всех этих нормах речь идёт о неповиновении, с чем лично я, мои коллеги не согласны, потому что неповиновение — это всего лишь одна из форм. Да, она, пожалуй, самая распространённая, но она далеко не единственная. Как вы могли убедиться, и членовредительство, уничтожение, повреждение имущества — это те деяния, которые не связаны с неповиновением, потому что неповиновение предполагает требования, а членовредительство одномоментно происходит, и ни о каком неповиновении речи не идёт. Поэтому считаем, что в этом плане наше предложение с точки зрения законодательной техники является более выверенным.

И здесь опять-таки в качестве положительного примера могу привести Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, где в статье 315 в одной из частей предусмотрена ответственность за организацию нарушений порядка, режима под арестом, надзором и другими арестованными. Эту норму, коллеги, я взял это с сайта посольства Китая, поэтому прошу учитывать особенности перевода. Но смысл понятен: криминализация действий организаторов.

Поэтому прошу отнестись с вниманием к нашему предложению. Мы считаем, что оно заслуживает одобрения.

Большое спасибо. Я закончил.

А.С. КРАСКО

Спасибо, Геннадий Сергеевич.

Коллеги, давайте так, если есть вопросы к выступающими, пожалуйста, задавайте их.

Единственное, Геннадий Сергеевич, из того, что я от Вас услышал, у меня создалось такое впечатление. Вы сказали, как я понял, что ситуация у нас достаточно серьёзная в этом отношении, но 90 с лишним процентов не дошло до суда.

Г.С. ШКАБИН

Так точно.

А.С. КРАСКО

То есть это что означает именно, грубо говоря, Следственный комитет не видит в собранных Вашими коллегами материалах состава преступления?

Г.С. ШКАБИН

Александр Сергеевич, я вопрос понял. Здесь не нужно, в общем, какие-то претензии предъявлять к Следственному комитету. Решения следователей Следственного комитета, на мой взгляд, вполне обоснованы. Мы имеем дело с пробелом законодательства, потому что за деяния, о которых идет речь, ответственность в Уголовном кодексе не предусмотрена. При этом общественная опасность не просто соизмерима, а она больше, чем за те деяния, которые предусмотрены в Уголовном кодексе. Поэтому вот это немножко так с иронией, с такими картинками, но, на мой взгляд, достаточно всё отражает. Поэтому на сегодняшний день действительно в уголовном законодательстве ответственность за подобного рода деяния не предусмотрена. Это пробел законодательства, нужно это признать, на наш взгляд.

А.С. КРАСКО

Спасибо.

Слово предоставляется Александру Михайловичу Плешакову, главному научному сотруднику Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний.

Прошу Вас, Александр Михайлович.

А.М. ПЛЕШАКОВ

Спасибо.

Как бы продолжая выступление Геннадия Сергеевича, моя задача более узкая, в какой-то степени я буду повторять то, что он говорил, это основания криминализации за предлагаемую норму.

Мы вводим новый состав преступления, если хотим ввести новый состав преступления. Если это так, то мы должны придерживаться каких-то принципов, которые существуют не только в науке, но и при принятии любого закона. Эти принципы, в общем-то, достаточно известны. Прежде всего, это общественная опасность этого преступления, потому что если этого не делать, то все это групповое воспрепятствование может привести к массовым беспорядкам, может привести к совершению тяжких или особо тяжких преступлений (бывали в командировке, это действительно так). Поэтому общественная опасность несомненна. Это первое.

В чем ещё общественная опасность? Да если это воспрепятствование будет дальше жить, скажем так, то цели уголовного, уголовно-исправительного законодательства об исправлении осуждённых просто будут недостижимы.

Далее. Общественная опасность этого деяния гораздо более высокая, чем даже в статье 321 (то, о чём говорил Геннадий Сергеевич). Ну, представьте ситуацию: один человек (осуждённый) угрожает другому осуждённому или даже бьёт его (321-я) с применением насилия, с желанием дезорганизовать деятельность — уголовная ответственность. А когда лидер преступной среды поднимает, как на сленге, извините,

«зону» в большом количестве лиц, то ответственности никакой. А ведь предлагаемая статьёй 321 норма (самое главное, на наш взгляд) должна обеспечить порядок управления. И в Уголовном кодексе она находится в этой главе.

Обобщение полученных сведений (мы проводили исследование) говорит, что непереносимое условие, непереносимое свойство такого деяния — большое количество лиц, которые в нём принимают участие: 10, 20, 30. Но бывают варианты, когда там сотни. Я озвучу эту цифру, по нашим данным, 1 500 осуждённых в год в среднем по стране принимают активное участие в групповом неповиновении.

О том, что групповое воспрепятствование деятельности учреждений — распространённое явление, известно очень давно, даже ещё со времён уголовного кодекса 1996 года.

В 1983 году, говорил, была такая норма, которая говорила о противодействии деятельности администрации исправительных учреждений. Но потом у нас произошли определённые социально-политические изменения, и эта норма в связи с принятием УК 1996 года была отменена. И тогда отмечали этот принцип криминализации — распространённость, массовая распространённость.

Вот такие два основных принципа.

Что здесь ещё следует сказать? Геннадий Сергеевич уже говорил об этом, это мощное орудие, мощные средства лидеров преступной среды, чтобы воздействовать на администрацию исправительных учреждений. По большому счёту, это шантаж администрации, когда они предъявляют эти самые незаконные требования.

В свою очередь, обвиняемые и подозреваемые осуждённые, которые вовлечены в криминальную среду, понимают, осознают, что им грозит ответственность за это. И в связи с этим значительная часть не может отказаться от участия в такого рода протестных акциях просто потому, что они вовлечены в преступную субкультуру. Однако прямого насилия при этом не высказывается.

Что ещё следует сказать? Статья 116 Уголовного кодекса о групповом неповиновении (она, конечно, неудовлетворительно сформулирована)... все действия, которые там предусмотрены, явно переросли в дисциплинарный проступок. Это уже видно по последним годам пенитенциарной практики. И в связи с этим, конечно, нужна уголовная ответственность за такого рода норму.

Мы разговаривали со многими практическими сотрудниками, они все поддерживают эту идею и говорят, что единственное, что их испугает, — это наказание. Правда, они ещё добавляли — и деньги. То есть если денежное взыскание будет, это их ещё как-то испугает, но уголовное наказание точно, а иначе я безнаказан, я могу делать всё, что хочу.

Установление уголовной ответственности за групповое воспрепятствование деятельности — норма, она будет сразу после 321-й, то есть после дезорганизации и мобильных телефонов. Она структурно ничуть не изменит Особенную часть, это будет целый блок статей, который будет направлен на порядок, на нормальный порядок управления в местах лишения свободы в следственных изоляторах.

И самое главное (Геннадий Сергеевич об этом говорил) — там важнейший момент уголовного права вводится: там не будет насилия и угрозы его применения, там будут другие элементы объективной стороны состава преступления. И не менее важные основания криминализации, что в принципе для осуществления уголовного преследования препятствий не будет. Это будет трудно прогнозировать, но доказывать это преступление будет более-менее понятно и ясно. У меня всё. В пять минут уложился.

А.С. КРАСКО

Спасибо, Александр Михайлович.

У меня такой вопрос. Геннадий Сергеевич сказал о том, получается, что статья в советском Уголовном кодексе была, и, как Вы сказали, она не устояла. Правильно я понял? Я извиняюсь, это что, в процессе либерализации или что-то такое...

Почему сегодня законодатель к этому не подходит? Я так понимаю. Вот вы у себя внутри в вашей системы это всё понимаете, видите и знаете, но я думаю, что это не первое мероприятие, когда эти вопросы поднимаются. А какие контраргументы, или кто-то нам потом расскажет всем?

Кто мог бы прокомментировать?

Г.С. ШКАБИН

Два-три слова. Она была отменена в 1996 году. Вы, может, помните то время, трудное время 90-х, и общую тенденцию «гуманизации» уголовного законодательства?

А.С. КРАСКО

В кавычках. Что-то у нас с этой «гуманизацией» англосаксонского разлива не очень получается. Трудно было и доказывать, и были общие информационные сообщения о том, что нужно к осуждённым относиться по-другому, более милосердно, гуманно. Вот одна из причин.

И потом появился новый кодекс, он тоже появился на волне того, что новое время, новые подходы (опять же англосаксонские). И весь кодекс был в значительной степени построен под эту идею. Но это мое мнение — почему. Да и не только моё. Люди тоже об этом писали: почему она перестала работать? Но её вводили, потому что была большая распространённость и общественная опасность. Но потом получилось так, как получилось.

Г.С. ШКАБИН

Разрешите добавлю? Александр Сергеевич, в продолжение. Вы упомянули такое хорошее слово «гуманизация», которую фактически в то время дискредитировали таким подходом. Потому что гуманизация и правопорядок — это вещи, несколько не противоречащие друг другу. Гуманизация — это уважение достоинств и прав человека. Это совсем не значит, что не должны лица, которые нарушают порядок, привлекаться к ответственности. Поэтому на сегодняшний день не может быть никаких оснований для того, чтобы не предусмотреть ответственности за рассматриваемые деяния, тем более от этого страдают и сами многие осуждённые, не только учреждения.

А.С. КРАСКО

Пожалуйста, представляйтесь.

А.П. СКИБА

Скиба Андрей Петрович, Академия ФСИН России.

Вопрос, наверное, и Геннадию Сергеевичу, и Александру Михайловичу, у кого будет желание.

Полностью согласен по поводу либерализации уголовно-исполнительного законодательства. На самом деле, возможно, мы чуть-чуть в последнее время ею увлеклись. И, естественно, поддерживая предложение по поводу изменения Уголовного кодекса, хотелось бы задать вопрос и услышать мнение.

У нас, получается, проблема с членовредителями и проблема с теми, кто отказывается от приёма пищи, заключается ещё и в том, что, по сути дела, эти действия отсутствуют среди перечня злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний (о чём Геннадий Сергеевич показывал). То есть получается, у нас

осуждённые, даже если мы не доказываем какую-то групповую основу всех этих действий, они фактически дезорганизуют деятельность администрации исправительных учреждений. Но администрации исправительных учреждений ввиду того, что это не злостное нарушение, зачастую не имеют возможности на них адекватно реагировать. Тем более вот этот 30–суточный срок для наложения дисциплинарного взыскания, которое прямо указано в части первой статьи 117 Уголовно-исполнительного кодекса, на самом деле при членовредительствах, например, его сложно соблюсти. Потому что пока мы осуждённому окажем медицинскую помощь, я уже сейчас не говорю про возмещение ущерба, которое мы осуществляем за счёт бюджета.

То есть если мы, может быть, ещё внесём дополнения к изменениям в Уголовный кодекс, подобные деяния в перечень злостных нарушений, возможно, это усилит предупреждение подобного рода негативных явлений.

А.С. КРАСКО

Спасибо.

Коллеги, я хотел сказать. Я, наверное, сбился.

Г.С. ШКАБИН

Александр Сергеевич, извините, пожалуйста.

Вы упоминали перечень... А это какой нормативный акт?

А.П. СКИБА

Это часть первая статьи 117...

Г.С. ШКАБИН

Это всё-таки Уголовный кодекс?

А.А. ЧИСТЯКОВ

Чистяков Алексей Алексеевич, Российский университет дружбы народов.

По поводу статьи как раз 188.3 нас постоянно обвиняют, в том числе и та законодательная инициатива, которая сейчас исходит (если можно сказать законодательная инициатива) от Федеральной службы исполнения наказаний. Понимаете? Постоянно обвиняют: «Ах, вы опять в 188.3 приходите». Господа уважаемые, речь не идёт о том, что они предлагают вернуться опять к 188.3, которая была в Уголовном кодексе РСФСР. Я был при обсуждении вот этого кодекса, который сейчас действует, уголовного, и как раз вставал вопрос, быть такой статье или нет. Смысл той статьи был несколько в другом. Тут первый момент, там вначале приняли Уголовный кодекс, потом 20 лет прошло, и потом ввели только ту статью. Понимаете? То есть там подведомственность какая-то была.

Ещё один момент: норма у нас уголовно-исполнительной преюдиции. То есть в течение года если человек был переведён в помещение камерного типа либо в тюрьму из колонии ушел, и продолжает неповиновение требованиям администрации, то тогда возбуждалось уголовное дело по 188.3. Понимаете? То есть вначале нужно было в ПКТ перевести, потом дальше продолжает и поехал.

И тут ещё один момент (коллеги подтвердят): у нас ещё был не сказать, что план, но мы спрашивали: «Статья есть. Почему она не работает?» И поэтому зачастую были передержки, то есть такой негласный план, нужно по 188.3 двоих закрыть на всё управление. Кто? В тюрьме находится? Да. Предъявляются требования, не выполняем, составляется акт, и поехал он дальше.

Но то, что сейчас предлагается, речь идёт совершенно о другом. Мы столкнулись с такой ситуацией, когда лидеры преступных группировок в местах лишения свободы либо просто те, которые хотят заработать как-то авторитет, они просто-напросто

бросают призывы о том, что нужно вот это, вот это, становятся как бы негласными лидерами и ещё больше зрительно проявляют себя. А когда Следственный комитет приходит, наши оперативные службы, начинает работать, Следственный комитет спрашивает: «Вы скажите, пожалуйста, что у вас конкретно есть, что они угрожали применить насилие, в случае если это было?» Понимаете? То есть вот у нас есть лидер. Мы знаем, от него исходит информация, вернее у нас есть информация, которая говорит о том, что именно он сподвигает группы осуждённых. Собирают Следственный комитет, говорят: «Где? Он угрожал, что в случае, если не будете участвовать, к вам что-то применят?» А у нас-то этого нет. Мы же всё прекрасно понимаем, что он просто говорит, пользуясь своим авторитетом. Понимаете? И осуждённые прекрасно понимают, что с ними будет, если они не войдут в эту группировку. А то, что предлагают наши коллеги, это позволит следующее: по самому факту того, что они пытаются противодействовать по сути дела власти, вот за это мы будем привлекать к уголовной ответственности, и они об этом будут знать.

Что же касается зарубежного опыта, вы извините, я смотрел Англию, США, Францию, Германию, там тоже есть аналогичные статьи. В Канаде помягче, там административные меры. Но в остальных государствах, там... Они просто-напросто за сговор с целью противодействия законным требованиям властей. Привлекаются точно так же к уголовной ответственности. В Соединённых Штатах до 20 лет лишения свободы или штраф 10 тысяч долларов, выбирай. Понимаете? Поэтому столкнулись с такой ситуацией, когда необходимо это просто-напросто.

А.С. КРАСКО

Понятно. Спасибо, Алексей Алексеевич, спасибо огромное.

В.И. МИХАЙЛОВ

Добрый день всем. Я хотел как раз коснуться того, что прозвучало, это фундаментальная проблема. Дело в том, что действующее законодательство построено на принципиально иной теоретической основе, чем то, о чем мы с вами сейчас говорим. У нас в России традиционно по роду действия склонение, организация и так далее является приготовлением к совершению соответствующего преступления. В общей части у нас в статье, которая посвящена приготовлению, прямо указано, сговор, приискание соучастников в совершении преступления есть приготовление к совершению преступления. И отсюда проблемы и применения, и отсюда проблемы построения законодательства. Прозвучало слово сговор. Во многих странах, в том числе тех, которые назывались, является ещё базовой концепцией концепция сговора. Суть её сводится к тому, что само по себе приискание соучастников совершения преступлений, что называется, сговором, является окончанным составом преступления.

У нас по факту эта концепция в таком ползучем порядке в Особенную часть проникает. У нас всё больше и больше составов, которые связаны с организацией. Но теоретически (исходя из общей части) это приготовление к совершению преступления всего лишь навсего. Отсюда и сбои очень многие протекают.

Конечно, я замахнусь, с вашего позволения, отлично понимая, что только лишь для логики изложения это надо, хорошо бы нам в общей части отразить этот момент, связанный со сговором, с приисканием участников совершения, является окончанным преступлением в случаях, предусмотренных в особенной части. Но на это, конечно, сейчас мы не пойдём. Это как бы теоретический посыл. А вот тот состав, который предлагается, и приискание, он как раз по факту построен на концепции сговора, именно так.

В целом если брать группу этих преступлений, они имеют свой объект, бесспорно. У нас и Конституция, ряд законодательств исходят из того, что граждане могут мирно сговариваться о чём-то, договариваться о чём-то, кто-то может их подталкивать к каким-то добрым делам — пойти на воскресник, вовлекать, склонять к тому, чтобы вы пошли на воскресник или макулатуру собирать, ну что-то в этом духе. Но когда вопреки интересам общества такого рода действия совершаются, то они представляют повышенную общественную опасность. Об этом уважаемые коллеги уже сказали.

Дополню, что они наряду с тем ещё обладают и широкой распространённостью. Это тоже основание криминализации.

Ну и ещё один такой чисто прагматический, практический вопрос, об этом тоже сказали, они доказуемы. Потому что, когда стоит вопрос о криминализации, мы должны учитывать как минимум вот эти три, там на самом деле гораздо больше оснований криминализации, но как минимум это — общественная опасность, распространённость и доказуемость.

Исходя из этого, я полагаю, что проект, который здесь представлен, является хорошей (это, наверное, очень мягкое слово), отличной, может быть, основой для обсуждения, для того, чтобы его соответствующим образом вносить. Действительно, об этом уже вопрос возникал.

И ещё попутно, если позволите, может быть, полторы минуты, не более того. Возникал вопрос о преюдиции, ссылались на УК РСФСР и так в целом проскакивали. Опять-таки сейчас наверняка это нельзя будет. Но на мой взгляд, и опыт применительно к другим составам показывает, что вопрос преюдиции, в данном случае, конечно, нужно вести речь об административной преюдиции — это очень сложная проблема, но вопрос административной преюдиции выполняет свои задачи, которые перед нами ставят. Конечно, у нас разные составы, допустим, одно дело — хищение, там очень серьёзная, запутанная система. У нас и в КоАП есть: есть многозначительность и административная преюдиция.

Но вот приведу один пример. Есть у нас в Уголовном кодексе такая статья 282 — это экстремистского рода статья. В 2018 году эта статья в уголовном контексте применялась 440 раз. В конце 2018 года была введена административная преюдиция. То есть исходя из того, что к уголовной ответственности лицо, совершившее такого рода деяние, могло быть привлечено только в том случае, если в течение года оно подвергалось административной преюдиции. В 2019 году семь уголовных дел и 384 административных. Далее тенденция продолжается. То есть вопрос преюдиции, вопрос того, что человеку указали, что если ты будешь таким образом дальше вести себя, то будет уголовная ответственность очень серьёзная. Подчеркну ещё раз, тут есть очень серьёзная проблема, связанная с тем, что в УИК существует дисциплинарная ответственность. Но вот то, что здесь коллеги говорили, это тоже, на мой взгляд, проблема, которая нуждается в осмыслении и, я дерзну сказать, в практическом удовлетворении не сегодня, конечно.

Мы сегодня, как я понимаю, рассматриваем вот это предложение. Я исхожу из того, что и теоретически, и практически оно обусловлено, социально оно обусловлено, юридически выверено, поэтому надо принять, на мой взгляд, какие-то меры для его движения как законопроекта. Спасибо.

А.С. КРАСКО

Спасибо, Валентин Иванович.

Да, пожалуйста.

Е.А. РУССКЕВИЧ

Спасибо, Александр Сергеевич.

Русскевич Евгений Александрович, МГЮА. У меня два вопроса. Первый. Мы обсуждаем проект, хотелось бы услышать от авторов хотя бы кратко о методологии полученного результата, каким образом анализировалась.

И второй вопрос. Здесь очень много звучало о том, что эти деяния совершают лица, обладающие особым криминальным статусом. Напомню, что у нас будет, наверное, неизбежно возникать конкуренция. Мы создали ситуацию, потому что использование как бы своего особого криминального положения в этой преступной иерархии, по сути, подпадает под 321². Спасибо.

А.С. КРАСКО

Спасибо.

Коллеги, давайте мы сделаем таким образом (мы всё равно все вопросы сейчас... я не хочу превращать наш семинар в вопросы и ответы): мы всё зафиксировали, мы обязательно выпустим «Аналитический вестник», в котором постараемся, ещё раз говорю, это всё упомянуть, и «Аналитический вестник» мы вам всем предоставим. Хорошо? Спасибо.

Коллеги, слово предоставляется Сергею Ивановичу Гирько, исполняющему обязанности директора Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации.

Прошу Вас, Сергей Иванович.

С.И. ГИРЬКО

Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги! Современная пенитенциарная преступность обладает рядом особенностей, отдельные черты которых хотел бы озвучить сегодня.

Прежде всего такие преступления обладают значительной латентностью, то есть скрытостью. Это касается преступлений как осуждённых (по некоторым оценкам, в сфере латентности находится до 70 процентов насильственных преступлений, побоев и преступлений против половой неприкосновенности), так и персонала исправительных учреждений в отношении осуждённых (в числе таких криминальных действий — нарушение установленного порядка предоставления осуждённым отпусков, противоправная подготовка документов, влекущих условно-досрочное освобождение), наконец — совместная преступная деятельность осуждённых и персонала исправительных учреждений (пронос сотовых телефонов, о чём уже говорилось, организация колл-центров и другое, что нередко выявляется при проверках исправительных учреждений).

Основная часть недостатков в работе исправительных учреждений, включая действия по запрету криминальных проявлений как со стороны осуждённых, так и персонала исправительных учреждений, совместную криминальную деятельность осуждённых и сотрудников исправительных учреждений, особенно в сфере компьютерных технологий, насилие в отношении осуждённых со стороны персонала исправительных учреждений и ответные агрессивные действия осуждённых, нередко приводящие к дезорганизации деятельности конкретных исправительных учреждений, связана со значительными имиджевыми потерями для уголовно-исполнительной

системы в целом и относится к числу внутренних факторов опасности, способных вызвать негативные последствия самого непредсказуемого масштаба для безопасности как исправительных учреждений, так и уголовно-исполнительной системы в целом. В условиях колонии названные действия нередко являются провоцирующим фактором для недовольства разного уровня. Чем заканчиваются подобные нарушения прав осуждённых, также хорошо известно: актами неповиновения администрации учреждений, насилием над персоналом колоний, захватом заложников и массовыми беспорядками, а в целом — отвлечением значительных ресурсов для нормализации ситуации, общественным недоверием и, как результат, имиджевыми потерями для государства, подрывом основ его безопасности.

Безопасность исправительных учреждений — это комплекс мероприятий, направленных на предупреждение возможной и устранение явной опасности, угрожающей спокойствию, жизни и здоровью лиц, находящихся в расположении исправительного учреждения.

Угрозу безопасности представляют прежде всего преступная субкультура в жизнедеятельности исправительных учреждений, проявления организованных преступных групп в местах лишения свободы, криминальная связь сотрудников с осуждёнными.

Хотел бы назвать ещё одну особенность, имеющую непосредственное отношение к характеристике современного контингента исправительных учреждений. В условиях судебной практики, направленной на гуманизацию уголовной ответственности, уменьшилась численность осуждённых, отбывающих наказания в исправительных учреждениях. Только за последние годы численность таких осуждённых снизилась на порядок. В колонии не попали осуждённые за преступления с невысокой степенью опасности, но в то же время усилилась конспирация преступников, обладающих устойчивой криминальной позицией.

Как представляется, все названные выше и некоторые другие факторы создают негативную среду и предрасположенность контингента исправительных учреждений, готовность и настрой наиболее активных из них на агрессивное противодействие законным шагам администрации исправительных учреждений.

Раскачивание ситуации в исправительных учреждениях, подготовка осуждённых к противодействию администрации, как правило, имеют свою этапность. И если широкий общественный резонанс, выражающийся в актах массового противодействия действиям администрации, приобретает крайние формы только такого поведения, то вербовка волонтеров, подбор активистов выражаемого недовольства действиями администрации происходят постепенно через режиссированные криминальными авторитетами возмущения, высказывание претензий. Впоследствии ими же оценивается такая готовность осуждённых к согласованным индивидуальным и групповым действиям и из их числа формируются активные ячейки противодействия законным решениям. Именно из таких отобранных осуждённых впоследствии выделяются те, кто совершает побеги, допускает факты группового неповиновения и дезорганизации деятельности учреждений, а также и участие в массовых беспорядках.

Заметим, что число названных преступлений из года в год не уменьшается. Такие деяния криминализованы и влекут уголовную ответственность, как уже было сказано, по специальным нормам Уголовного кодекса: статьи 321, 212, 336 и некоторые другие. Но всё начинается с малого, когда участники последующих организованных актов неповиновения подбираются, вербуются, укрепляют свою криминальную

квалификацию и установку, говоря тюремным языком, «бузят». Об этих подготовительных действиях нередко администрация исправительных учреждений информирована из своих источников.

Как представляется, именно в этот момент, когда организованные структуры ещё не сформированы и роли ещё не распределены, в предупредительных целях подобная деятельность должна профилакироваться и пресекаться, а лица, давшие согласие на участие, тем более активно склоняющие других осуждённых к участию в групповых противодействиях действиям администрации, создающих препятствия работе администрации, то есть воспрепятствующие законным действиям, обеспечивающих отбывание наказания, должны быть также криминализованы, и из них, как представляется, должна наступать уголовная ответственность.

Такое решение предлагается разработчиками законопроекта и нормы, включённой в статью 212.2(?), и оно, с моей точки зрения, нуждается в поддержке.

Пенитенциарная система государства, уголовно-исполнительная система, протекающие в ней позитивные и негативные процессы затрагивают значительное число граждан и их интересы. Любые отклонения от законной организации в деятельности исправительных учреждений влекут за собой нарушения безопасности мест лишения свободы, отражаются на состоянии защищённости российского общества, неизбежно представляют угрозы для национальной безопасности государства в том числе. Спасибо за внимание.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное, Сергей Иванович.

Коллеги, есть вопросы?

С МЕСТА

Нет.

А.С. КРАСКО

Слово предоставляется Сергею Фёдоровичу Милюкову, профессору кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.

Прошу Вас.

С.Ф. МИЛЮКОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Я думаю, в этой квалифицированной аудитории нет смысла долго говорить, насколько опасна концентрация уголовных элементов в компактных местах, где они начинают творить (это сегодня хорошо было показано) свои законы, свои наказания, своё исправление, кстати. То есть кто не поддается, их начинают исправлять, но как, опять же в этой аудитории, думаю, все прекрасно знают.

К сожалению, никто, пока во всяком случае, не затронул, на мой взгляд, очень важный аспект, который вытекает из этой неприглядной и опасной картины, — это специальная военная операция.

На мой взгляд, генеральный путь очищения этих мест лишения свободы, мест изоляции — это направление их на фронт, причём не только добровольно, но и добровольно тоже. Это снизит и их активность и даст возможность принести пользу государству.

Ведь они чем сейчас занимаются? Они как раз занимаются тем, о чём говорили: они не работают, они не приносят никакой пользы, они всё время требуют от правозащитников послаблений, и те идут по понятным всем причинам на таковые.

Я не хочу драматизировать, но всё-таки обращусь к опыту 1942 года. Из достаточно надёжного, на мой взгляд, источника известно, что Абвер в 1942 году планировал высадку десанта на север европейской части, стороны, которая была далеко от фронта. Для чего? Для того чтобы поднять массовое восстание в этих лагерях и ударить в тыл нашей доблестной Красной армии, которая в этот момент была в очень серьёзном, тяжком положении, да и не только армия, всё наше государство... вот здесь решался вопрос, быть дальше нам или не быть, и не только советской власти.

Поэтому я думаю, что об этом тоже надо говорить, иначе, конечно, это даст... я полностью поддерживаю профессора Шкабина и профессора Плешакова в отношении того, что эту норму надо вводить. Но это лишь одна из мер, есть и другие, помимо того, что я сказал, — это изоляция и перемещение наиболее опасных элементов, прежде всего склонных к террористической деятельности, о чём здесь с самого начала говорили, подальше за Урал или на Север.

Это поддержит, я думаю, наше население. Оно активно обсуждает все эти вопросы. Я не знаю, следите ли вы за этим, я тщательно слежу. И они требуют это сделать, иначе мы обречены на такие вещи.

Что касается этой меры, то я её тоже поддерживаю полностью. Единственное, о чём Вы, коллега, сказали, надо бы сюда ещё внести одну часть, которая бы резко усиливала ответственность и наказание этих так называемых авторитетов, которые занимают в этой иерархии ведущее положение.

Что касается конкуренции, я думаю, здесь не надо её опасаться, потому что само по себе занятие этого положения уже является особо тяжким преступлением. А здесь будет видно, чем они заняты, в том числе в местах лишения свободы. Вот здесь хоть и показали 1 процент вне системы, но, я думаю, на самом деле значительно больше, просто выявить это сложно.

Поэтому это выбьет из рук вот этих псевдолибералов такой аргумент, что статья 210.1 (правильно я называю?), так сказать, выражает порочную теорию преступного состояния, то есть не за деяние, а за то, что он человек известный в определённых кругах. А вот здесь будет конкретно видно, чем он занимается, и это позволит по совокупности, отталкиваясь от этого конкретного факта, привлечь его к ответственности ещё и по статье 210. И вот здесь они «запоют», на мой взгляд, если нам это удастся сделать.

Поэтому есть смысл все эти вопросы продолжать изучать. Я очень доволен и расскажу своим коллегам в Петербурге, как это всё проходило. И я думаю, будет большая польза и для наших преподавателей, и для студентов, и для практических работников, которые у нас обучаются пускай и в гражданском вузе. Спасибо за внимание.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное, Сергей Фёдорович. Интересная мысль по поводу принудительной отправки.

С.Ф. МИЛЮКОВ

Так же было, до революции было.

А.С. КРАСКО

Я понял, мысль интересная.

Коллеги, слово предоставляется Виктору Викторовичу Меркурьеву, заведующему отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, международных отношений, противодействия

экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации, старшему советнику юстиции.

Прошу Вас, Виктор Викторович.

В.В. МЕРКУРЬЕВ

Спасибо.

Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги!

Презентация моя не пойдёт, не тот формат.

Но тем не менее я подвяжу ту инициативу, с которой сегодня выступают здесь Геннадий Сергеевич, Александр Михайлович, — это предложение о введении нормы, предусматривающей ответственность за организацию, по сути дела, нарушений в установленном порядке отбывания наказания, причем это нарушение злостное. У нас есть соответствующая административная ответственность за злостные нарушения (это статья 19.3 Кодекса об административных правонарушениях). Сегодня о ней почему-то здесь практически ничего не было сказано.

Здесь примеры были достаточно показательные приведены, что происходит кумулятивный эффект, который повышает качество общественной опасности вот этих правонарушений и доводит их до уровня преступного состояния. То есть это общественная опасность, которая характеризует уже преступление. Но какие здесь я вижу изъяны? Если мы посмотрим на ту норму, которая предлагается, — склонение или иное вовлечение без применения насилия, скажите, пожалуйста, обязательно ли это лидер криминальной среды? Вот вы сегодня много раз уже произнесли «лидер криминальной среды». Сергей Фёдорович прав, здесь вообще выпало их участие именно в организации злостных неповиновений, демонстративных шантажных действий и так далее.

И вспоминали сегодня статью 188.3 УК РСФСР, и совершенно обоснованно вспоминали. Почему? Потому что как раз там была заложена мысль, что злостное неповиновение требованиям администрации... Именно кому адресована эта норма? В том числе прежде всего лидерам криминальной среды или тем осуждённым, которые стремятся занять это положение.

Приведу пример из своей практики. Проводя исследование во Владимирском центре (это 2007–2008 годы, на этом рубеже), мы проводили интервьюирование одного осуждённого, который именно являлся злостным нарушителем режима содержания. То есть у него было более 100 дисциплинарных взысканий, то есть совершенно некуда ставить пробу, личное дело всё исписано, так сказать, соответствующими протоколами о водворении в ШИЗО, ПКТ и так далее, и так далее, хотя он на тюремном режиме находился. Спрашиваем: «А в чём дело-то? А чего Вы добиваетесь?» Он говорит: «У меня отец вор в законе. Я вот сейчас третий раз отбываю наказание здесь, в тюрьме, и я завоёвываю авторитет именно таким образом. Меня все уважают здесь. Моё слово здесь — закон». Возникает вопрос: как мы отразили это в норме, которая предлагается? Никак.

С МЕСТА

А зачем?

В.В. МЕРКУРЬЕВ

А я Вам скажу, зачем. Вот здесь упущены два момента такие.

Это касается лидеров из криминальной среды. Я уже объяснил, и Сергей Фёдорович об этом говорил.

И второй момент. Не используется эта юридическая техника применения административной преюдиции.

А почему?

Я договорю. Дело в чём? Дело в том, что к этому лидеру криминальной среды, который старался завоевать таким образом авторитет. Он авторитет завоевывал и завоевал. А вы представьте себе, если бы существовала норма административной преюдиции. Злостно нарушает режим содержания, оказывает неповиновение требованиям администрации, выдворялся в ШИЗО, ПКТ. Следующий шаг — это привлечение его к уголовной ответственности. В этом случае этот осуждённый прибавляет себе срок, не авторитет прибавляет, а срок себе прибавляет. И в данном случае уже теряется его авторитет.

А здесь норма — склонение или вовлечение и так далее. А ведь склонение в вовлечение... Может должностное лицо...*(неразборчиво)*. Из вашей нормы это совершенно не следует. Может совершить должностное лицо. А мы должны направить силу уголовного закона именно адресно в сторону лидеров криминальной среды. Из этой нормы, которая сконструирована, это вообще не вытекает.

Далее. Смотрим примечание. Существенные действия, нарушающие режим содержания. Опять дополнительные толкования надо проводить. Что значит «существенные»? В законе чётко уголовном нужно прописывать, какие это действия. Мы такую норму предложили. Я потом в своих материалах это предоставляю. Потому что смысл заключается прежде всего в том, чтобы пресечь, предотвратить, предупредить демонстративно-шантажные действия, которые давят на администрацию мест лишения свободы. В этой части всё было сказано правильно.

Поэтому я думаю, что если мы не допускаем дисциплинарной преюдиции, как это было сделано в статье 188.3 Уголовного кодекса РСФСР, то мы должны прописать здесь состав с административной преюдицией, что касается участников, не организаторов и тех, кто финансирует даже, потому что многие эти действия финансируются из «общака». А вот для участников административная преюдиция должна быть, то есть дать им шанс, как вы сами пример приводили здесь, статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. Вы сами же приводили пример. А потом все забыли об этом. А забывать нельзя такие вещи. Для участников обязательно этот механизм должен использоваться. Понимаете? Кто-то оступился, кто-то попал под влияние лидера криминальной среды, кто-то просто по зову толпы вышел. Вот, пожалуйста. Вы говорите, сразу его освободить от уголовной ответственности, если он впервые совершил преступление. Так лучше административную преюдицию использовать. Всё у меня. Спасибо.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное, Виктор Викторович. Интересное выступление.

Коллеги, кто-то готов ответить, прокомментировать?

В.И. МИХАЙЛОВ

Я бы с удовольствием, но у них сейчас дисциплинарная ответственность. Понимаете, это несколько иная ситуация. Мы сделаем с вами большой революционный рывок вперёд, если предложим в данном случае дисциплинарную юрисдикцию. А не против, я за.

В.В. МЕРКУРЬЕВ

Административную преюдицию. Я извиняюсь, что я Вас перебиваю, потому что я в принципе ещё только закончил.

В.И. МИХАЙЛОВ

Понимаете? Ещё раз подчеркну...

В.В. МЕРКУРЬЕВ

Я ещё раз напоминаю, статья 19.3 Кодекса об административных правонарушениях «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации».

В.И. МИХАЙЛОВ

Это иная ситуация будет. Ещё раз подчеркну.

Это первое.

Второе. *(Оживление в зале.)*

Ну давайте так, в начале это сделаем.

В.В. МЕРКУРЬЕВ

А для кого тогда это ориентировано, если... Подождите, стоп. В законе чётко сказано: орган государственной власти, сотрудник органа или учреждения уголовно-исполнительной системы. Вы о чём говорите?

Значит, это тот человек, который предложил в Кодекс об административных правонарушениях эту норму в этой части, просто не понимал, что он делает? Почему не применяется эта административная норма? Почему?

В.И. МИХАЙЛОВ

Коллеги, теперь второй момент. Более важный вопрос.

В.В. МЕРКУРЬЕВ

Правда, санкции там от 10 тыс. до 20 тыс. рублей. Смешная просто санкция.

В.И. МИХАЙЛОВ

Более важный, на мой взгляд, другой вопрос — это вопрос, касающийся субъекта. Если мы пишем субъектам, что лицо, занимающее высшие иерархии, мы сузим. Как я понимаю (поправьте меня, если я неправ, коллеги), сейчас (предложенная редакция) ничто не мешает нам привлекать тех, кто идёт по статье 210.1, лица, занимающие высшее положение. Сейчас никто не мешает.

С МЕСТА

Они прячутся.

В.И. МИХАЙЛОВ

Подождите. Они и будут прятаться.

Коллеги, мы не о том сейчас ведём речь. Они будут прятаться. Если мы это пропишем в первой части, то это сузит...

С МЕСТА

Не в первой, а в четвёртой.

В.И. МИХАЙЛОВ

В четвёртой. Может, сделать как квалифицированный состав, но тогда сразу у нас 210.1 отпадёт.

С МЕСТА

Не отпадёт.

В.И. МИХАЙЛОВ

Подождите, коллеги. Давайте по схеме.

Как я себе понимаю, сейчас у нас может быть совокупность 210.1 и эта новая статья, статья 69 сложили и так далее.

На мой взгляд, в этом смысле сейчас над этим вопросом надо подумать, меру наказания соответствующую придумать. Но вообще сейчас я бы не хотел такого рода детали обсуждать, потому что мы просто уйдём в сторону. На мой взгляд, нам надо принципиально решить.

Я свою позицию высказал. Этот предложенный материал, проект закона, чрезвычайно качественно подготовлен, его можно двигать, обсуждать в качестве... Ну, возьму на себя наглость, всё-таки 13 лет в ГПУ проработал, не один проект подготовил...

В.И. МИХАЙЛОВ

Можно в качестве законодательной инициативы.

Александр Сергеевич, разрешите?

А.С. КРАСКО

Сейчас, одну секунду.

Коллеги, мы уже перешли к обмену мнениями. У нас ещё есть выступающие. Я предоставлю им слово, а потом, если вы меня поддержите, обменяемся мнениями.

Я сейчас хочу полностью поддержать Валентина Ивановича в плане того, что мы с вами сейчас можем уйти в такие, я не хочу сказать, мелкие, но в такие очень важные вещи, мы уйдём от сути той ситуации.

Ещё раз говорю, представленный материал, который вы представили, действительно является хорошим базисом для дальнейшей работы.

Я обязательно предоставлю слово руководству нашего аппарата Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству, которое выскажет точку зрения уже с точки зрения подготовки и обеспечения деятельности наших законодателей. Думаю, здесь будет такой момент...

Ещё раз говорю, мы сейчас не ставим задачу взять конкретный проект федерального закона или изменения в какой-то нормативный акт и досконально его выстругать, не знаю, вылизать и прочее.

То, что сейчас происходит на нашем семинаре, показывает актуальность той темы, которую мы с вами затронули. Поэтому, коллеги, с обменом мнениями мы сейчас остановимся. Если надо будет, мы продолжим.

Слово предоставляется Евгению Валерьевичу Безручко, заведующему кафедрой уголовного права и криминологии факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета.

Е.В. БЕЗРУЧКО

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, спасибо большое за предоставленную возможность высказать позицию Санкт-Петербургской академии Следственного комитета и высказаться в поддержку следователей Следственного комитета на законных основаниях, выносящих постановление об отказе о возбуждении уголовного дела по данным основаниям ввиду того, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления в соответствии со статьёй 8. Этого состава пока нет.

Мы поддерживаем позицию Шкабина Геннадия Сергеевича, Плешакова Александра Михайловича об установлении уголовной ответственности за это.

Она является актуальной, своевременной, будет регулировать те общественные отношения, которые необходимо регулировать в данной сфере.

Уважаемые коллеги, у вас на столах есть проект федерального закона. Предлагается новая норма — 321.2 и основные признаки объективной стороны: склонение и вовлечение, активное участие, призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждений.

В настоящий момент у нас действует редакция статьи 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Само понятие дезорганизации в законе не раскрыто, поэтому я предлагаю в рамках этой существующей статьи уже реформировать действующее законодательство, основываясь на существующей законодательной технике и тех рекомендациях Верховного Суда, которые имеются в данной области применительно к тем же преступлениям террористической или экстремистской направленности, где указано, что под склонением, вовлечением следует понимать подкуп, угрозу, убеждение, просьбы (это пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда).

Аналогичное разъяснение склонения, вербовки, вовлечения есть также в постановлении пленума «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Это уже разработано высшей судебной инстанцией и уже толкуется.

Далее. Имеется постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетнего», где даётся понятие «вовлечение» (в форме обещаний, обмана, угроз, в форме предложения совершить преступление).

К чему я всё это говорю? В словаре русского языка Ожегова под призывом понимается обращение, требование, просьба, мольба. И вот у нас в проекте федерального закона призывы упоминаются не публичные, а просто призывы. По своей сути они совпадают с вовлечением, со склонением. Поэтому мы предлагаем криминализировать именно публичные призывы. Также имеется разъяснение данного понятие в постановлениях пленумов Верховного Суда. Под ними понимаются выраженные в любой форме (устной, письменной), с помощью технических средств обращения публичные к другим лицам с целью побудить их к совершению каких-либо действий. Аналогичное разъяснение есть в постановлении пленума о судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности.

Мы предлагаем вот такую авторскую редакцию от нашей академии новой нормы: в части первой — криминализировать публичные призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;

в части второй — криминализировать склонение и вовлечение, а равно — руководство таким групповым воспрепятствованием (и статья 210¹ будет идти по совокупности с данным преступлением);

и в части третьей — ответственность за участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества.

Соответственно, часть первую существующую, вторую и третью считать частью четвертой, пятой и шестой. И примечание — воспользоваться тем, которое указали коллеги. Единственное, предлагаем исключить слова «активное» (из участия) и слова «существенно», потому что это оценочные категории, которые потребуют дополнительного разъяснения, и, как правило, они негативно отражаются

на правоприменительной практике. Поэтому как есть это на законодательной технике — участие, публичные призывы, — так и предлагаем в настоящий момент в новой редакции эту норму оставить в рамках действующей статьи «дезорганизация», потому что это всё охватывается (публичное воспрепятствование, дезорганизация), и стабилизировать именно данные составы в части первую, вторую и третью. Спасибо.

А.С. КРАСКО

Спасибо, Евгений Валерьевич.

Слово предоставляется Елене Николаевне Карабановой, заведующей отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера Университета прокуратуры Российской Федерации.

Елена Николаевна, прошу Вас.

Е.Н. КАРАБАНОВА

Спасибо за предоставленное слово. Добрый день, уважаемые коллеги.

Мы сегодня обсуждаем конкретную уголовно-правовую норму. Я соглашусь со многими выступающими, что концептуальная идея может быть неплоха, но нуждается в более детальной проработке (этот законопроект).

Вместе с тем я хотела бы отметить, что не всегда уголовно-правовая норма и её превентивное значение отвечает тем чаяниям и надеждам, которые возлагались на её принятие.

Помимо уголовно-правового регулирования ещё важно вести профилактическую работу тех или иных общественно опасных явлений. Я бы здесь хотела развить идею, о которой уже сказал уважаемый Сергей Иванович Гирько, о том, что является первопричиной таких деструктивных действий со стороны лиц, отбывающих лишение свободы. И одной из таких причин является нарушение их конституционных прав. Я, как представитель научной общественности со стороны прокуратуры, не могу об этом не сказать, потому что именно прокуратура занимается надзором за соблюдением таких прав.

Несколько проблем всего я обозначу. Первая проблема — это та пенитенциарная преступность в отношении самих осуждённых. Один большой вопрос остаётся нерешённым. Речь идёт о сексуальном насилии. И остаётся только догадываться. Не секрет, что в тюремной субкультуре сексуальное насилие в основном выступает как средство социального регулирования. Извините, у меня всё время отключается микрофон.

Почему тюремные традиции пододвинули традиционные ценности, провозглашённые обновлённой Конституцией? А что вообще делается для искоренения этого позорного явления? Имеются ли какие-то ведомственные акты или методические пособия по этому поводу. Возможно, он есть, но они закрыты. Но я с ними не знакома. Вообще об этом явлении в последнее время стало как-то не принято говорить. Более того, отечественный кинематограф его демонстрирует как само собой разумеющееся, как неотъемлемый атрибут тюремной жизни.

С этим нельзя мириться. Этому явлению надо объявлять бескомпромиссную войну.

Вообще проблема применения насилия в пенитенциарных учреждениях существует уже не один десяток лет и острую актуальность приобрела в 2021 году, когда мы все были свидетелями того, как были вскрыты вопиющие факты пыток и сексуального насилия в отношении заключённых под стражу и осуждённых, что вызвало

огромный общественный резонанс, привлекло пристальное внимание руководства страны и, конечно, непосредственно ударило по имиджу не только уголовно-исполнительной системы, но и вообще государственной власти.

Что могло бы быть предложено в качестве гарантий правомерного применения к осуждённым мер воздействия со стороны сотрудников УИС? Могло бы стать изменение закона об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с тем, чтобы применение сотрудниками названной системы физической силы, спецсредств, огнестрельного оружия в обязательном порядке фиксировалось переносным видеорегистратором либо иным штатным аудиовизуальным средством фиксации, а не при наличии возможности, как в настоящее время предписывает действующая редакция этого закона. И по инициативе Генеральной прокуратуры ещё в 2018 году был подготовлен соответствующий законопроект, но он до сих пор не принят.

Вторая проблема. На мой взгляд, хорошую профилактическую роль могло бы сыграть обеспечение осуждённым конституционного права на объединение в рамках закона, конечно. Объединение в правовом, легитимном поле могло бы их отвлечь от объединения для каких-то деструктивных целей. Ведь ранее в исправительных учреждениях в соответствии со статьёй 111 Уголовно-исполнительного кодекса создавались различные самостоятельные организации осуждённых, которые работали под контролем администрации исправительного учреждения. Однако в 2011 году данная статья была признана утратившей силу, поскольку отмечались зачастую злоупотребления и ущемление прав осуждённых.

Но, на мой взгляд, упразднение данной нормы закона было не вполне оправданным. Борьаться надо было не с самой самостоятельностью, а с теми перегибами, которые допускались при её организации. И я предлагаю для обсуждения как раз таки идею возвращения в Уголовно-исполнительный кодекс нормы о создании самостоятельных организаций осуждённых.

Следующая немаловажная проблема заключается в латентности нарушений конституционных прав осуждённых. Как показывает практика прокурорского надзора, выявление причин, условий и самих правонарушений весьма затруднено в силу специфики функционирования уголовно-исполнительной системы. В первую очередь это обусловлено тем, что сотрудники уголовно-исполнительной системы стараются представить проверяющему прокурору максимально благополучную обстановку с обеспечением прав, свобод и законных интересов граждан. А очевидцы правонарушений и их потерпевшие, пострадавшие часто отказываются от дачи показаний во избежание мести после ухода прокурора со стороны администрации учреждений или других осуждённых.

В этой связи представляется целесообразным проработать вопрос обеспечения в режиме реального времени удалённого доступа надзирающих спецпрокуроров к системе видеонаблюдения в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

И, наконец, последняя проблема, на которой я остановлюсь. Она касается трудовых прав осуждённых. Я понимаю, что уже предприняты шаги к трудоустройству осуждённых, но тем не менее по-прежнему у нас немалое число осуждённых остаются не привлечёнными к оплачиваемому труду. Администрации учреждений объясняют это отсутствием рабочих мест.

И такому положению вещей в немалой степени способствует несовершенство уголовно-исполнительного законодательства. Так, например, частью первой статьи 103

установлено, что каждый осуждённый к лишению свободы обязан трудиться в местах лишения на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. При этом закреплена обязанность администраций привлекать осуждённых к труду исходя из наличия рабочих мест.

Я полагаю, что эта законодательная оговорка вообще противоречит положению статьи 9 того же Уголовно-исполнительного кодекса, где предписывается формирование у осуждённых уважительного отношения к труду и труд провозглашается основным средством их исправления.

Более того, неработающий и не получающий зарплату осуждённый не может возмещать ущерб, причинённый преступлением, что, в свою очередь, может стать препятствием для улучшения условий содержания с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания или условно-досрочного освобождения от наказания, условием которого в настоящий момент является возмещение вреда, причинённого преступлением.

Ну и наконец, о праве на отдых осуждённых, работающих уже осуждённых. До июля 2022 года правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений предусматривались специальные участки или помещения для проведения работающими осуждёнными отпуска. Во многих исправительных учреждениях, несмотря на такое нормативное предписание, они отсутствовали, в связи с чем осуждённые в период своего отпуска проживали в своих же отрядах и подчинялись установленному для всех распорядку дня. На это обращали внимание и надзирающие спецпрокуроры. В 2022 году в новых правилах внутреннего распорядка появилось положение о том, что осуждённые к лишению свободы, находящиеся в ежегодном оплачиваемом отпуске, без выезда за пределы исправительного учреждения проживают во время отпуска как в общежитии отряда, так и в специально отведённом помещении. То есть проблема была по факту не решена, а легализована, причём крайне избирательно. Проживающие в общежитии отряда осуждённые-отпускники подчиняются общему распорядку дня осуждённых к лишению свободы, а проживающие в специально отведённом помещении — отдельному распорядку, утверждённому начальником исправительного учреждения. Как вы считаете, обоснованно ли это неравенство, нет ли здесь вообще коррупционных рисков? И вообще о каком отдыхе может идти речь в том же самом отряде с тем же самым распорядком дня, а это психологический климат? Вот такие проблемы я обозначила.

Что касается высказанных сегодня законодательных инициатив, они нуждаются в более детальной проработке, и наш университет прокуратуры готов присоединиться и в письменном виде высказать свое научно-правовое мнение относительно представленного законопроекта.

Ещё здесь, я тоже оговорюсь, была обозначена инициатива насчёт исключения признаков публичности из статьи 319 Уголовного кодекса. Речь идёт об оскорблении представителя власти. Да, есть такой аргумент — что этот признак отсутствует в статьях, посвящённых оскорблению судей, оскорблению военнослужащих, но я не видела ни одного (поправьте меня, если я не права) приговора, где бы этот признак отсутствовал. Во-первых, это сложность доказывания. Если это тет-а-тет оскорбление и это нигде не зафиксировано, то это достаточно сложно доказать, чтобы это был именно обвинительный приговор.

Во-вторых, я видела практику Верховного Суда, который оправдал лицо, оскорбившее судью. Там были доказательства — было направлено письмо судье

на домашний адрес с оскорблениями. И Верховный Суд не счёл это преступным, как раз таки опираясь на то, что общественным отношениям, защищаемым данной нормой, не был причинён вред. Поэтому возлагать надежды на то, что исключение признаков публичности из статьи 319 решит проблему, я бы не стала.

Спасибо большое за внимание и предоставленное слово.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное, Елена Николаевна. Ваши предложения действительно существенно расширили круг вопросов, которые мы сегодня решили, — вопросов дальнейшего совершенствования законодательства. Спасибо огромное. Вам, наверное, это было очень интересно и для коллег.

Мы приступаем к обмену мнениями.

Пожалуйста.

С МЕСТА

Буквально два слова по предыдущим докладам. У нас уже сейчас есть (ну, оно в принципе всегда было) мужеложство и лесбиянство в качестве злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания. Сейчас скорее с учётом последних реалий речь идёт о другом. У нас же в последнее время всё чаще возникают лица, можно сказать, с неопределённой сексуальной ориентацией. Мы понимаем, о ком идёт речь. И на самом деле в местах лишения свободы они периодически проявляют себя, мягко говоря, неадекватно. У администрации исправительного учреждения не всегда возникают возможности на них адекватно реагировать. Вопрос о том, чтобы расширить перечень злостных нарушений за счёт иных подобного рода девиантных действий, уже был. И вполне возможно (здесь я с Еленой Николаевной соглашусь), может быть, здесь тоже стоит подумать о том, чтобы расширить перечень злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания.

И что касается самодеятельных организаций. У нас статья 111 Уголовно-исполнительного кодекса утратила силу. Соответственно, мы помним, это всё произошло на фоне определённого рода действий членов секции дисциплины и порядка.

В настоящее время деятельность этих секций регулируется ведомственным законодательством — Федеральной службы исполнения наказаний, регулируется более-менее успешно. Но в принципе, наверное, стоит действительно подумать о том, чтобы вернуть статью 111 Уголовно-исполнительного кодекса, которая касается самодеятельных организаций, обратно именно в текст уголовно-исполнительного закона, предусмотрев, что порядка, естественно, не должно быть и так далее. Так что в принципе над этим можно, безусловно, подумать.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное.

Да, прошу Вас.

Первый момент. Извините, пожалуйста, там речь шла, скорее всего, о насильственных действиях. Статья 131... ну, о 131-й не будем... Статья 132 — это «Насильственные действия сексуального характера», там до шести лет по первой части. Поехали дальше.

Но я бы хотел сказать о другом — по поводу реплики относительно воровских авторитетов и так далее, которые будут вовлекать в эти действия.

Коллеги, давайте уж будем открытым текстом говорить... Вот представители Следственного комитета. Вы как доказывать-то будете? Где вы видели,

чтобы смотрящий за зоной самостоятельно шёл в общежитие и начинал кого-то подвигать или собрал этих: «Итак, завтра мы начинаем акцию неповиновения?» Где вы это видели, господа?

С МЕСТА

Да-да, вот именно, совершенно верно, вот этим самым... туда и идут. То есть он даже не сам... Там, как правило, у него что? Тот, который с ним, постоянно его охраняет, телохранитель, ну и здесь пять-шесть человек, которые постоянно... Остальные даже к ним допуска-то не имеют. Ну и что? Он просто-напросто вслух сказал, вот просто сказал, из этих пятерых уже два-три человека знают, кто должен доносить дальше информацию. Они пошли, сказали где-то как-то. А вот когда вы начнёте привлекать, допрашивать, опрашивать и так далее, они будут иметь дело и будут указывать на тех, которые в этом идут уже третьей, четвертой ступенями.

Поэтому, мне кажется, в данной ситуации учёт занятия какого-то положения, безусловно, имеет место быть, но всё-таки сейчас-то мы говорим о том, что нам надо как раз обязать вот этих людей, которые непосредственно будут там работать. Вот для чего эта статья-то нужна, по крайней мере мне так показалось. А дальше уже будем смотреть.

А.С. КРАСКО

Двигаться выше.

С МЕСТА

Да-да. Сейчас, на этот момент, нужно просто-напросто идти вот отсюда, а дальше уже...

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное.

С МЕСТА

А можно одну реплику ещё?

А.С. КРАСКО

Да, давайте.

С МЕСТА (тот же)

Александр Сергеевич, я просто скажу, раз уже пошли, с точки зрения последнего спикера, более широкие проблемы и пользуясь случаем. Я постоянно отвечаю студентам на вопросы. У нас изменилась статья 15 (категоризация преступлений), но не изменилась статья 58, связанная с выбором исправительного учреждения, где до сих пор говорится: по неосторожности — колония-поселение, а там мужчинам за тяжкое — уже общий режим. Но у нас тяжкие теперь стали неосторожными преступлениями.

Вот если можно как-то внести в общий протокол... Да, тут необходимо принять меры, направленные на гармонизацию этих положений, чтобы вслед за изменением статьи 15 изменить статью 58, переписать частью первую и убрать оттуда оговорку, что за все неосторожные... Теперь только преступления небольшой и средней тяжести.

А с точки зрения инициативы — я в целом её поддерживаю, конечно же. То есть действительно, мне кажется, действия в этом направлении должны быть сделаны. Спасибо.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное.

С МЕСТА

Можно я кратенько отвечу насчёт вот той статьи — о назначении вида исправительного учреждения?

А.С. КРАСКО

Да, пожалуйста.

С МЕСТА

Верховный Суд уже этой проблемой озадачился. И ввиду того, что там нормы содержат в себе элементы диспозитивности, то они на этом сыграли и уже сделали разъяснения — сначала по «дэтэпэшному», как мы его называем, постановлению пленума, и вот сейчас готовятся поправки (и в ближайшее время будут приняты), где это будет прописано.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное.

Коллеги, кто-то ещё хочет?

Г.С. ШКАБИН

Александр Сергеевич, разрешите?

А.С. КРАСКО

Да, пожалуйста.

Г.С. ШКАБИН

Я в том числе отвечу на вопросы, которые были заданы (и здесь прозвучали реплики).

Относительно статьи 210 хочу сказать, что результаты исследований показали, что ни одно лицо из тех, которых нам удалось установить, которые вовлекали других в совершение воспрепятствования, не являлись лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии... *(Оживление в зале.)*

Коллеги, попрошу минуту внимания.

Оснований для привлечения по статье 210.1 в этих конкретных случаях не было. Это первое.

Второе, по поводу преюдиции. Мы рассматривали данный вопрос тоже очень детально, у нас было очень много консультаций, в том числе и с сотрудниками Следственного комитета, и с большим количеством учёных. Здесь общественная опасность совсем другого характера.

Преюдиция — это когда «девять беременных через месяц рожают». Я, конечно, утрирую, понятно. Здесь общественная опасность от самого факта совершённого деяния. Поэтому вопросы по преюдиции рассмотренные и, на наш взгляд, не подходят.

Относительно методологии Евгений Александрович задал... полностью методология соответствует... и общенаучные, и частнонаучные методы были использованы.

Кстати, мы провели встречу не только с сотрудниками прокуратуры и Следственного комитета, а уж тем более уголовно-исполнительной системы, но и с осуждёнными встречались.

Здесь я парирую Елене Николаевне, её высказыванию. Хочу сказать, а почему во всей этой ситуации никто не говорит о тех осуждённых, которые не хотят «вскрывать» себе вены (извините меня за эти...), не хотят объявлять голодовки, но они вынуждены... Кто их права защитит?

То, что сказал Александр Михайлович, навеяно этими псевдолиберальными ценностями, кстати... почему-то у нас права потерпевших забываются. Почему-то про

тех, кого принуждают к совершению опасных деяний, мы забываем, а права тех, кто проявил активную преступную позицию, давайте защищать.

Коллеги, давно пора уже... мне кажется, государство перешло на другие рельсы, пора подтверждать то, что мы на самом деле социальное государство.

Относительно следующих моментов... термин «существенность»... Коллеги, прекрасно понимаю, что в правоприменении, в частности при расследовании, при квалификации деяния, оценочные категории вызывают трудности у правоприменителей, следователей, судов, прокуроров. Но это действительность сегодняшнего дня, и от этого нам никуда не деться. В Уголовном кодексе достаточно примеров статей, где оценочные признаки, в том числе и термин «существенность», регулярно используются. Я думаю, этого невозможно избежать.

Ну и последнее хотел сказать: относительно профилактики было сказано... Я глубоко убеждён, что истинное предназначение нормы, по меньшей мере в уголовном законе, состоит не только в том, чтобы привлекать к ответственности виновных, а в том, чтобы подобного рода деяния не допускались.

Изучая эту проблему (я больше года в этой теме, достаточно подробно мы её изучили), я убеждён, что если эта норма появится, через два-три года это деяние, ну если не полностью будет искоренено, то существенно сократится в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Спасибо.

А.С. КРАСКО

Спасибо огромное.

Коллеги, я хотел бы, завершая нашу дискуссию, предоставить слово Терехову Андрею Александровичу, заместителю руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.

А.А. ТЕРЕХОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Слушая выступления, доклады, ознакомившись с материалами, подготовил некоторые тезисы своего выступления. Многие из них Елена Николаевна уже озвучивала.

Когда поступает какая-то инициатива в наш комитет, мы её рассматриваем в первую очередь с точки зрения баланса конституционно значимых ценностей. Мы не отрицаем, что действительно есть такая проблема, обозначенная в материалах. И последняя информация о бунтах и прочем это всё, конечно, подтверждает.

Вместе с тем три года назад был внесён и принят федеральный закон о внесении изменений в Уголовный кодекс, касающийся противодействия пыткам. Он принят, по нему есть статистика, о чем Нарусова Людмила Борисовна, которая была одним из инициаторов этого закона, говорила на одном из заключительных заседаний Совета Федерации в период весенней сессии. 140 в год — вроде как такую она озвучивала цифру. Проблема тоже есть. Проблема есть с учётом закрытости учреждений, за счёт изначально ущемлённого положения контингента в данных учреждениях.

С учётом того, во что трансформировались наши ОНК в настоящий момент в основном из бывших сотрудников правоохранительных органов, текущий УПК, которые за 23 года трансформировался в некий гибрид между УПК 2001 года и УПК РСФСР, и о чём косвенно говорила Валентина Ивановна, говоря о длительных сроках содержания в СИЗО... имеется в виду на стадии предварительного расследования, не на суде, на судебном УПК, и так разрешает держать бесконечно. На стадии предварительного расследования 18 месяцев — предел, однако люди и два,

и три года... Татьяна Николаевна Москалькова последний раз говорила, что есть рекорд — пять лет. До суда, до поступления дела в суд.

С учётом всего этого всё-таки необходимо рассматривать в комплексе данные вопросы, для того чтобы не пострадали не только те законопослушные, которые вынуждены были присоединиться под угрозами к данному незаконному мероприятию, но и те, которые, возможно, будут подвергнуты или подпадать под злоупотребление отдельными сотрудниками.

Что касается доказывания, полностью согласен: по статье 116 УИК доказывание крайне скудное, таким же оно видится и по новой норме, без применения определённых механизмов. Как один из выходов: многие говорили о необходимости работы с контингентом, ротация контингента определённая, применение определённых мер, возможно, одиночные камеры, ещё что-то, всё это возможно при одном условии, это и, например, применение нательных регистраторов, о чём говорили сегодня (это тоже известная тема). Всё упирается в один вопрос — это финансирование. Финансирование... Мы, наш комитет, Андрей Александрович Клишас, запросил у Федеральной службы исполнения наказаний соответствующую информацию, она получена, передана в профильный комитет, передана в министерства профильные. Прошли недавно парламентские слушания под председательством Валентины Ивановны Матвиенко, там это было тоже учтено. Поэтому эта тема, не скажу, что она главная, но она для ФСИН имеет огромное значение. Наш комитет над этой темой работает, естественно, в совокупности с МВД и с ФССП тоже.

Поэтому что касается обсуждения, у нас в середине декабря (пока дата не определена) будет мероприятие, «круглый стол» скорее всего, касающееся противодействия пыткам. Будет вести его Людмила Борисовна Нарусова. Соответственно, какие-то моменты обсуждения возможно будет провести уже на площадке комитета. ФСИН, естественно, само собой, мы пригласим, представителей науки — МГЮА, РУДН, академию Следственного комитета, все они будут приглашены на данное мероприятие. Поэтому это с точки зрения информации.

Спасибо большое.

А.С. КРАСКО

Спасибо.

Коллеги, будем завершать с вашего позволения? Благодарю вас за такой конструктивный и содержательный диалог. Надеюсь, сегодняшнее мероприятие было для нас всех очень полезным, позволило поднять многие вопросы интересные, возможно, натолкнуло нас на новые мысли. Такие встречи как раз мы и проводим для того, чтобы получить более цельную комплексную картину по той или иной теме и выйти на возможные и конкретные предложения, которые позволят и дальше совершенствовать уголовно-исполнительную систему.

Отмечу, что у Совета Федерации очень насыщенная, разнообразная повестка и для нас очень важно тесное, продуктивное взаимодействие с экспертами, которые погружены в тематику, знают об актуальном положении дел и дают нам конкретную пищу для дальнейших размышлений.

Такой пул сенаторов мы начали формировать и аккумулировать вокруг нашего Информационно-аналитического управления. Мне хотелось бы, чтобы наше общение не ограничилось этой встречей, энергично развивалось и дополнялось новыми форматами.

Я прошу прощения, если кто-то не знает, я хочу представить руководителя нашего Информационно-аналитического управления Петрова Андрея Евгеньевича. Я думаю, что все координаты можно будет взять и поучаствовать дальше в этой работе.

Ещё раз огромное вам спасибо. Благодарю вас за внимание, и ещё раз ждём вас всех к нам. Вы всё знаете, мы сделали «Аналитический вестник» и обязательно его вам разошлём. Спасибо.

Рекомендации семинара-совещания

В ходе выступлений участниками мероприятия поднимались вопросы необходимости совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей основные положения порядка и условий исполнения уголовных наказаний с учётом современных реалий и специфики возникающих проблем.

К двум основным проблемам, требующим безотлагательного реагирования, эксперты отнесли:

1. Вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

2. Противоправные действия подозреваемых, обвиняемых, осуждённых, в отношении сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В качестве возможных решений вышеуказанных проблем экспертами были сформулированы следующие предложения, в том числе законодательного характера:

- криминализировать склонение, призывы и иное вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, а также активное участие в таких деяниях;

- разработать комплекс мероприятий, направленных на предупреждение возможной и устранение явной опасности, угрожающей спокойствию, жизни и здоровью лиц, находящихся в расположении исправительного учреждения;

- вести профилактическую работу общественно опасных явлений в целях соблюдения прав осуждённых, которых насильственным способом склоняют к воспрепятствованию законным требованиям сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Материалы участников семинара-совещания

*Шкабин Геннадий Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России*

Групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества: пробелы уголовного законодательства

Места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, а также исполнения наказания в виде лишения свободы, являются учреждениями, в которых поведение всех содержащихся там лиц строго регламентировано федеральными законами и принятыми на их основе подзаконными нормативными актами. Они находятся в этих учреждениях на основании соответствующего решения суда в связи с совершением либо подозрением или обвинением в совершении преступления. Однако следует признать, что на сегодняшний день уголовное законодательство не в достаточной мере охраняет общественные отношения, складывающиеся в данной сфере. Наиболее известная норма, это ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности исправительного учреждения».

Вместе с тем в названных учреждениях совершаются общественно опасные деяния, которые воспрепятствуют установленному законом порядку исполнения/отбывания наказания, но уголовная ответственность за их совершение не предусмотрена. Подобные случаи можно разделить на четыре группы: 1. Неповиновение требованиям представителей администрации. 2. Членовредительство. 3. Уничтожение или повреждение имущества. 4. Иные действия (бездействия). Каждый такой поступок, совершённый в отдельности, существенно не влияет на работу учреждения. Однако когда в подобные деяния целенаправленно вовлекаются группы подозреваемых, обвиняемых или осуждённых, то они способны фактически парализовать деятельность всего учреждения, а в последствии привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений и причинению значительного имущественного вреда.

За последние годы количество групповых воспрепятствований деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, увеличилось в несколько раз. Только с 2019 по 2023 год их было совершено 166, в результате чего государству был причинён существенный материальный ущерб.

Как правило, инициатива в совершении рассматриваемых деяний принадлежит лицам, обладающим криминальным авторитетом или стремящимися повысить свой статус в криминальной среде. Чаще всего они вовлекают других подозреваемых, обвиняемых или осуждённых без применения насилия или угрозы его применения. Это выражается в высказывании императивного требования, команды или призыва на совершение определённых действий (или отказа от их совершения), которые нарушают правила нахождения в местах заключения под стражей или режим отбывания наказания в виде лишения свободы. При этом значительная часть лиц не может отказаться от принятия участия в таких акциях, так как криминальная субкультура в таких ситуациях предполагает применение к ним мер воздействия, которые могут сделать дальнейшее их нахождение в местах изоляции от общества невыносимым. Это может произойти как в результате оскорбления или распространения

ложных сведений, так и другого нарушения их прав и законных интересов в микросоциальной среде.

Общественная опасность рассматриваемых деяний сравнима с насилием или угрозой его применения в отношении осуждённого с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК РФ). Негативное воздействие на установленный порядок функционирования учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, от действий или бездействия групп подозреваемых, обвиняемых или осуждённых, которые порой достигают численности более 100 человек, гораздо больше, чем от преступления предусмотренного ч. 1 ст. 321 УК РФ. Лица, совершающие описанные деяния, осознавая, что им не грозит уголовная ответственность, активно используют их как способ шантажа администрации учреждения для достижения своих незаконных целей.

Проведённое исследование демонстрирует, что к 91% лиц, вовлекающих или призывающих к воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, применялись меры дисциплинарного воздействия. Причём из всех установленных фактов 67% случаев были совершены лицами, уже находящимися в запираемых помещениях (штрафные изоляторы, одиночные камеры и т.п.).

Таким образом, следует констатировать наличие пробела в уголовном законодательстве, когда совершаются объективно общественно опасные деяния, а их уголовная противоправность отсутствует.

Полученные данные свидетельствуют о том, что предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством средства реагирования на рассматриваемые общественно опасные деяния не приносят желаемого результата. Данное обстоятельство обуславливает необходимость дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей ответственность за вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. Нами предлагается следующая редакция этой нормы:

«Статья 321². Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

1. Склонение или иное вовлечение, без применения насилия или угрозы его применения, в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, — наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

2. Активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, — наказываются лишением свободы на срок до четырёх лет.

3. Призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, — наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

Примечание. 1. Под групповым воспрепятствованием деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в настоящей статье понимаются совершение группой подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, или осуждённых к лишению свободы, существенно нарушающих установленный порядок

функционирования места содержания под стражей или места лишения свободы, неповиновения законному требованию сотрудника места содержания под стражей или места лишения свободы, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительства), повреждения или уничтожения чужого имущества либо иных действий (бездействия), без применения насилия или угрозы его применения к другим лицам.

2. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления.»

Признак существенности нарушения установленного порядка функционирования места содержания под стражей или места лишения свободы, предусмотренный в примечании в предлагаемой нормы, позволяет отграничить рассматриваемое деяние от организации забастовок или иных групповых неповиновений и иных видов злостных нарушений осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

Устанавливаемое наказание в виде лишения свободы соответствует характеру и степени общественной опасности деяний, а также соизмеримо с наказанием за смежные преступления, в частности предусмотренное ч.1 ст.321 УК РФ (Дезорганизация деятельности исправительного учреждения).

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества: пробелы законодательства

Шкабин Геннадий Сергеевич
доктор юридических наук, доцент
главный научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России

Способы группового воспрепятствования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

Уничтожение или повреждение чужого имущества имущества
25%

1

Содержание требований

Протест на законные действия администрации

62 %

Требование послаблений условий содержания

51 %

Требования смены руководства

6 %

Иные требования:

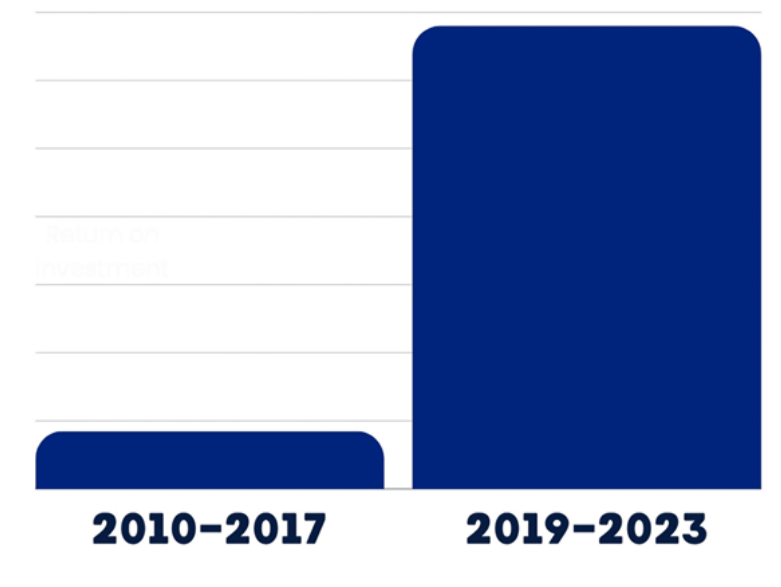
(освобождение осужденных из запираемых помещений, разрешение перевода в определенные отряды или камеры, отказа от разобщения групп осужденных и др.)

13 %

*в сумме более 100 % т.к. предъявлялось несколько требований

2

Количество случаев группового воспрепятствования деятельности учреждений с 2010 по 2023 года

3

Статья 116 УИК РФ. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы

- организация забастовок или иных групповых неповиновений, **не дезорганизующих деятельность** исправительного учреждения или **при отсутствии признаков преступления**, а равно активное участие в них;
- организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в настоящей статье правонарушений, а равно активное участие в них

4

Статья 321. Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

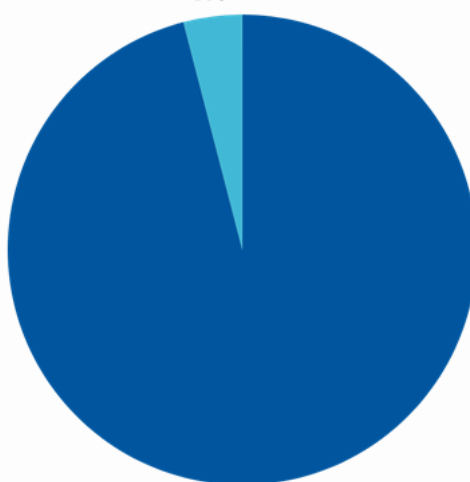
1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы

- наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

5

Возбуждено уголовных дел

4%

Отказано в возбуждении уголовного дела

96%

6

лишение
свободы на срок
до пяти лет

(ч. 1 ст. 321 УК РФ)

оснований
привлечения к
ответственности

НЕТ

7

**Проблема криминализации группового воспрепятствования
деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от
общества обсуждалась на различных уровнях государственной
власти**

8

Статья 321². Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

1. Склонение или иное вовлечение, без применения насилия или угрозы его применения, в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, –

наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

2. Активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, –

наказываются лишением свободы на срок до четырех лет.

3. Призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, –

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

9

Статья 321². Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

1. Склонение или иное вовлечение, без применения насилия или угрозы его применения, в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, –

наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

2. Активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, –

наказываются лишением свободы на срок до четырех лет.

3. Призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, –

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

9

Статья 321². Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

1. Склонение или иное вовлечение, без применения насилия или угрозы его применения, в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, – наказываются лишением свободы на срок до шести лет.
2. Активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, – наказываются лишением свободы на срок до четырех лет.
3. Призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, – наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

9

Примечание

1. Под групповым воспрепятствованием деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в настоящей статье понимаются совершение группой подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, или осужденных к лишению свободы, существенно нарушающих установленный порядок функционирования места содержания под стражей или места лишения свободы, неповиновения законному требованию сотрудника места содержания под стражей или места лишения свободы, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительства), повреждения или уничтожения чужого имущества либо иных действий (бездействия), без применения насилия или угрозы его применения к другим лицам.

2. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

10

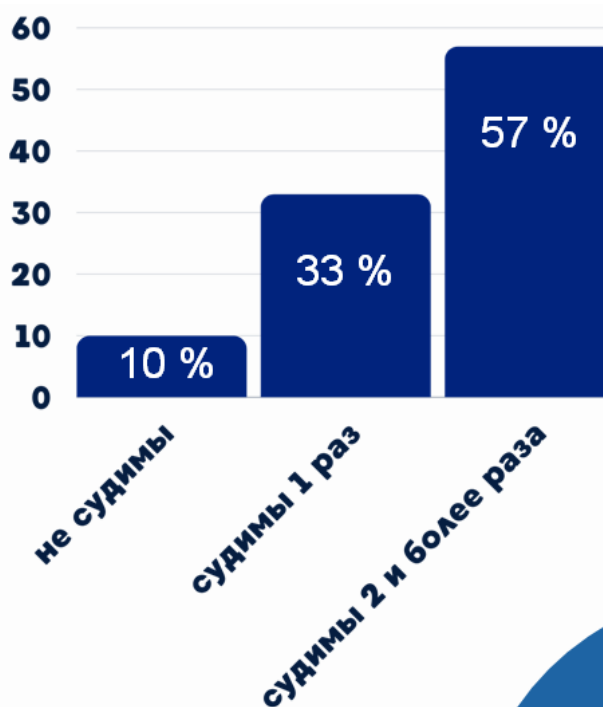
Конституционный Суд Российской Федерации

Определение от 10 июля 2003 г. № 270-О, постановления от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П, от 16 июля 2015 г. № 22-П, от 31.03.2023 № 13-П и др.

уголовный закон по своей правовой природе является крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности

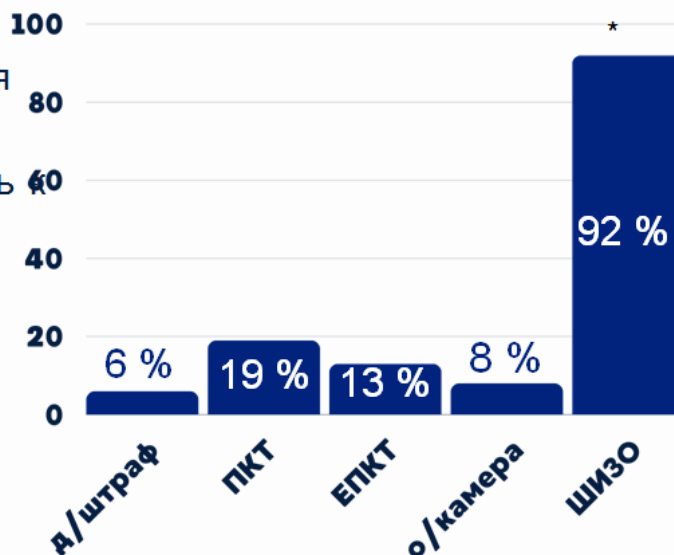
11

90 % лиц, совершивших вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, были ранее судимы

12

91 % в течение года, до дня совершения деяния, неоднократно привлекались дисциплинарной ответственности

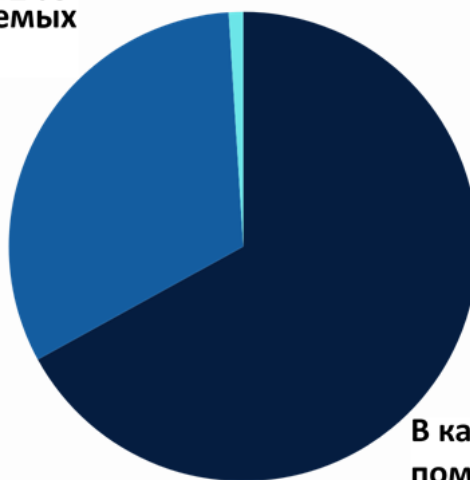

*в сумме более 100 % т.к. одно лицо более двух раз привлекалось к дисциплинарной ответственности

13

Место совершения За пределами учреждения –

1 %
Вне камерных и запираемых помещений – 32 %

В камерных и запираемых помещениях – 67 %

14

Ст. 411
Уголовного кодекса Республики Беларусь

Ст. 360
Уголовного кодекса Республики Казахстан

Ст. 372
Уголовного кодекса Кыргызской Республики

Ст. 221
Уголовного кодекса Республики Узбекистан

УК РСФСР 1960 года
Статья 188.3
Злостное неповиновение
требованиям
администрации
исправительно-трудового
учреждения (введена
13.09.1983)

15

УК КНР

Ст. 315. Совершение преступниками, в соответствии с законом находящимися под арестом, любого из ниже перечисленных действий, нарушающих порядок содержания под арестом (надзором), при отягчающих обстоятельствах - наказывается лишением свободы на срок до 3 лет:

1) избиение надзирателя;

2) организация нарушения порядка содержания под арестом (надзором) другими арестованными;

3) учинение массовых беспорядков, нарушающих нормальный порядок содержания под арестом (надзором);

4) избиение, применение телесных наказаний или принуждение третьих лиц к избиению, применению телесных наказаний по отношению к другим арестованным.

16

Основания криминализации вовлечения либо активного участия в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

Необходимость установления уголовно-правового запрета за вовлечение или активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества (предлагаемая норма — ст. 321² УК РФ), определяется рядом обстоятельств:

1. Повышенная общественная опасность деяния в форме склонения или иного вовлечения без применения насилия или угрозы его применения в групповое воспрепятствование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Такое вовлечение способно парализовать деятельность организации и создавать «благоприятные» условия для совершения массовых беспорядков или других тяжких или особо тяжких преступлений. Отказ осуждённых, подозреваемых или обвиняемых от исполнения законных требований администрации означает неисполнение правовой обязанности соблюдать установленный порядок отбывания наказания или содержания под стражей. Соответственно, цель уголовного и уголовно-исполнительного законодательства — исправление лица и предупреждение совершения новых преступлений — становится труднодостижимой.

2. Общественная опасность группового воспрепятствования, причиняющего вред порядку управления и функционирования соответствующих учреждений, является значительно более высокой, чем при дезорганизации деятельности мест лишения свободы или мест содержания под стражей (ст. 321 УК РФ) в форме угрозы применения насилия даже к одному лицу.

Характер и степень общественной опасности таких действий, определяются значительным числом лиц, участвующих в так называемых «протестных акциях». Как показывает пенитенциарная практика, в таких деяниях участвуют, как правило, 20–30 лиц, но иногда их число в одном акте воспрепятствования может превышать и сотни человек.

3. Обобщение данных, полученных в результате проведённого исследования, показало, что общее число групповых воспрепятствований в 2019–2023 годах было достаточно значительным. Неизменным остаётся такое свойство, как большое количество лиц, активно участвующих в рассматриваемых акциях. В среднем это более 1 500 человек в год по стране. Данные противоправные деяния известны давно, они совершаются нерегулярно, но постоянно. Их распространённость фиксировалась ещё до принятия в 1983 году ст. 188.3 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения. В связи с изменениями социально-политических условий и принятием УК РФ в 1996 году эта норма была декриминализована.

4. Организация группового неповиновения и публичные призывы к воспрепятствованию деятельности сотрудников исправительных учреждений, как правило, используются лидерами преступной среды, в том числе находящимися

на свободе, для оказания психологического давления на администрацию в целях ослабления режимных требований и получения незаконных льгот и преимуществ.

В свою очередь, подозреваемые или обвиняемые, вовлечённые в криминальную субкультуру, осознают, что за такие действия им не грозит уголовная ответственность, и активно используют это как способ фактического шантажа сотрудников исправительных учреждений. Более того, значительная часть лиц не может отказаться от участия в «протестных акциях», так как криминальная субкультура диктует необходимость применения к ним мер воздействия. Однако прямая угроза применения насилия при этом не высказывается.

5. Пенитенциарная практика показывает, что предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством меры дисциплинарного воздействия и признание лиц, участвующих в групповом неповиновении, злостными нарушителями режима (ст. 116 УИК РФ) не дают положительного эффекта. Более того, многие лица стремятся к такого рода негативным для себя последствиям, поскольку это может повысить их криминальный статус. В этой ситуации введение уголовной ответственности за групповое неповиновение может оказать общепреventивное воздействие. Угроза нового уголовного наказания будет являться существенным сдерживающим фактором для обеспечения нормального функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

6. В современных условиях дисциплинарный проступок в виде группового неповиновения явно «перерос» в более значимые социально опасные явления. В существенной мере в местах лишения свободы и в местах содержания под стражей это определяется и структурным составом осуждённых, подозреваемых или обвиняемых, которые отбывают наказание или обвиняются в совершении тяжких или особо тяжких преступлений. Проведённые исследования показали, что 90% лиц, вовлекающих или призывающих к воспрепятствованию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, ранее были судимы. В 92% случаев к таким лицам применялись наиболее строгие меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством (водворение в штрафные и дисциплинарные изоляторы либо в карцер и др.).

7. Установление уголовной ответственности за групповое неповиновение отвечает и принципу процессуальной осуществимости уголовного преследования, поскольку нет препятствий в сборе доказательственной базы. Предполагаемая норма «достраивает» систему уголовно наказуемых деяний против порядка управления в местах лишения свободы и в местах содержания под стражей. Социальная адаптированность ст. 321² УК РФ будет способствовать установлению реального правопорядка и отличаться от дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающих изоляцию от общества, существенными уголовно-правовыми признаками — отсутствием насилия или угрозы его применения и разными формами объективной стороны состава преступления.

Скиба Андрей Петрович,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осуждёнными Академии ФСИН России*

Привлечение к ответственности осуждённых за совершение преступлений и иных правонарушений: недостатки регулирования

Достижение целей уголовно-исполнительного законодательства в виде исправления осуждённых и предупреждения совершения новых преступлений (ст. 1 УИК РФ) вряд ли возможно без надлежащей организации привлечения к ответственности осуждённых за совершение преступлений и иных правонарушений (в данном случае нами будет затрагиваться данный аспект только в отношении отбывающих лишение свободы и через деятельность государственных органов — прим. авт.). Кроме того, это дополнительно актуализируется необходимостью обеспечения надлежащей организации исполнения лишения свободы и нормальной оперативной обстановки в исправительных учреждениях, в том числе путём недопущения радикальных и псевдорелигиозных проявлений, традиций криминальной субкультуры и т.п.

Между тем имеющиеся недостатки, в частности, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства не всегда позволяют эффективно предупреждать совершение преступлений и иных правонарушений осуждённых к лишению свободы. Отметим некоторые из них.

Во-первых, в ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» предусматривается привлечение к уголовной ответственности только за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осуждённого, либо угрозу применения насилия в его отношении с целью воспрепятствовать исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, а также в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких.

Очевидно, что подобные и иные правонарушающие действия содержащихся лиц, не имеющие насильственного характера, направленные на противодействие деятельности администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, не предупреждаются уголовно-правовыми средствами. В этом случае такие деяния осуждённых к лишению свободы, имеющие массовый характер, например, голодовки, членовредительства (умышленные причинения вреда своему здоровью), неповиновения представителям администрации исправительного учреждения, забастовки, отказы от работы или прекращения работы без уважительных причин и т.п., могут лишь влечь ответственность в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 116 УИК РФ «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы», содержащей перечень таких противоправных действий, вообще не упоминаются, например, голодовки, членовредительства (умышленные причинения вреда своему здоровью), участие в радикальных группировках и т.д., хотя они могут существенно негативно влиять на деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Более того, злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы в виде «организации забастовок или иных групповых неповиновений» затруднительно в доказывании при привлечении осуждённых к дисциплинарной ответственности (не говоря о необходимости соблюдения сроков наложения и исполнения взысканий, определённых в ч. 1 ст. 117 УИК РФ, соответственно в виде максимум трёх месяцев и тридцати суток), а, более того, «организация группировок осуждённых, направленных на совершение указанных в настоящей статье правонарушений» вообще касается только тех нарушений, которые прямо обозначены в ч. 1 ст. 116 УИК РФ.

В-третьих, изменение вида исправительного учреждения в случае соответствующего отрицательного поведения осуждённого к лишению свободы осуществляется судом в соответствии со ст. 78 УИК РФ и ст. ст. 397 и 399 УПК РФ. Однако в ст. 399 УПК РФ соответствующее судебное заседание регламентировано крайне лаконично, без закрепления каких-либо прав представителя администрации исправительного учреждения (например, ходатайствовать о приглашении в судебное заседание иных сотрудников государственных органов или представителей общественности, в том числе священнослужителей, имеющих отношение к исправительно-профилактическому процессу в отношении осуждённого), возможности представления дополнительных оперативно-режимных и других материалов о поведении осуждённого (особенно в случае активной противоположной позиции последнего или его адвоката) и т.п.

Таким образом, очевидно наличие недостатков в комплексном регулировании предупреждения преступного и иного правонарушающего поведения (нередко предшествующего первому) осуждённых к лишению свободы, что, возможно, свидетельствует о целесообразности корректировки уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства.

Чистяков Алексей Алексеевич
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Юридического института Российского университета дружбы народов имени
Патриса Лумумбы (РУДН)

Вовлечение в групповые действия по воспрепятствованию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: коллизии уголовного и уголовно-исполнительного законодательства

Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений в России имеют длительную историю. В Российской империи противодействие указанным действиям осуществлялось посредством административных мер. В советский период ответственность за нарушения режима в местах лишения свободы была предусмотрена, в частности, ст. 188.3 УК РСФСР (от 1983 года). Она предусматривала ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, что включало и сопротивление законным требованиям сотрудников. Анализируя указанную статью, обычно указывают, что законодательство СССР было сосредоточено на жестких мерах противодействия злостным неповиновениям осуждённых. Ст. 188.3 УК РСФСР являлась нормой с уголовно-исполнительной преюдицией, поскольку предусматривала уголовную ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудовых учреждений или иное противодействие администрации, если виновный до этого подвергался в течение года наказанию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру) или переводилось в тюрьму за нарушение требований режима отбывания наказания.

На практике необдуманное применение указанной нормы в качестве репрессивной меры, вызывало недовольство среди осуждённых и провоцировало массовые неповиновения, захваты заложников и другие экстремальные проявления.

В современной России данный вопрос регулируется только ст. 321 УК РФ, которая предусматривает ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, с применением насилия или угрозы его применения. Нетрудно заметить, что действующее законодательство не охватывает всего спектра возможных проявлений группового неповиновения в исправительных учреждениях, к которым можно отнести и публично демонстрируемые, и деструктивные акты. Кроме того, как неоднократно указывали эксперты, существуют проблемы с разграничением дисциплинарных проступков и преступлений. Например, действия осуждённого, отказавшегося выполнить законные требования администрации, могут быть квалифицированы как уголовно-исполнительное правонарушение — злостное нарушение режима, но не всегда как преступление. При этом нечёткость в правовой интерпретации термина «злостное неповиновение» требует доработки, поскольку отсутствует единообразное понимание этого понятия в законодательстве, хотя доктрина уголовно-исполнительного права не раз предлагала вполне разумное решение данного вопроса посредством института множественности правонарушений.

Анализ зарубежного опыта показывает, что разные страны предлагают различные механизмы противодействия групповым неповиновениям в местах лишения свободы. В Казахстане и Кыргызстане действуют нормы, аналогичные советской

ст. 188.3 УК РСФСР, предусматривающие серьёзные сроки лишения свободы за неповиновение, а также за организацию массовых беспорядков. В американской правовой системе ответственность за нарушения в местах лишения свободы носит разнообразный характер, включая федеральные законы и законы штатов. К примеру, акты массового неповиновения могут рассматриваться как бунт, что влечёт серьёзные уголовные санкции (в некоторых случаях до 10 лет лишения свободы). В Канаде вопросы, связанные с групповой дезорганизацией, регулируются провинциальными законами о местах содержания под стражей. В Великобритании применяются строгие меры, но только меры дисциплинарного воздействия, а в Австралии предусмотрена уголовная ответственность за создание опасной ситуации в местах лишения свободы.

В Японии и Южной Корее ответственность за нарушения режима включает как уголовные, так и административные санкции. В Японии особое внимание уделяется реабилитации осуждённых, что также помогает снижать частоту групповых неповиновений. В Китае за беспорядки в местах лишения свободы могут назначаться суровые наказания, включая смертную казнь в случаях организации и участия в массовых бунтах. Индия применяет дисциплинарные меры, направленные на поддержание порядка в местах лишения свободы.

В таких странах, как Бразилия и Аргентина, массовые беспорядки в местах лишения свободы не являются редкостью. Законодательство этих стран предусматривает довольно строгие меры, направленные на пресечение групповых неповиновений и массовых беспорядков, но их эффективность часто ставится под сомнение из-за недостаточной практической реализации.

Необходимость введения ответственности за вовлечение в групповые действия по воспрепятствованию деятельности учреждений обусловлена несколькими причинами. Во-первых, действующие нормы ст. 321 УК РФ не охватывают случаи ненасильственного противодействия деятельности администрации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, что создаёт пробелы в регулировании. Во-вторых, неформальные криминальные авторитеты продолжают оказывать давление на администрацию исправительных учреждений в целях ослабления режима.

Введение ответственности за склонение и иное вовлечение в групповые действия по воспрепятствованию деятельности учреждений позволит предотвратить организацию таких акций на ранних стадиях.

Криминализация данных действий усилит дисциплину и порядок в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Однако избыточное ужесточение законодательства может привести к нарушению прав осуждённых и злоупотреблениям со стороны администрации. Кроме того, следует спрогнозировать возможные криминалистические и уголовно-процессуальные трудности в доказательстве факта склонения или вовлечения без применения насилия, которые могут привести к спорным судебным решениям.

В связи с вышесказанным и предлагается включить в УК РФ новую ст. 321.2 «Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» в следующей редакции:

1. Организация либо участие в групповых действиях, направленных на воспрепятствование работы учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, без применения насилия, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Склонение или иное вовлечение без применения насилия в групповое воспрепятствование деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, — наказывается лишением свободы на срок до трёх лет.

3. Призывы к групповому воспрепятствованию — наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

Примечания:

1. Под склонением или иным вовлечением в групповое воспрепятствование деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, понимаются подкуп, уговоры, шантаж, угрозы и иные действия, предполагающие наступление негативных последствий за отказ, уклонение или воздержание от участия в групповых воспрепятствованиях.

2. Под групповым воспрепятствованием понимаются действия группы лиц, нарушающие порядок функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Предлагаемая законодательная новелла призвана устранить пробелы в регулировании группового воспрепятствования деятельности исправительных учреждений, что важно для обеспечения общественного порядка и безопасности.

Михайлов Валентин Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

О теоретико-правовой основе криминализации организационной деятельности по склонению лиц к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

В современных условиях удельный вес «организованности» при совершении преступных посягательств и реализации иных угроз, в том числе и в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, лиц, совершивших преступления или подозреваемых (обвиняемых) в их совершении, существенно возрастает. Отмеченное относится не только к случаям склонения к совершению каждым из склоняемых преступления, но и зачастую к случаям склонения к совершению иных противоправных деяний, каждое из которых в отдельности может и не обладать той степенью общественной опасности, которая присуща преступлению, но в целом такие действия могут привести к тяжким последствиям. Например, организованный отказ от работы лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы и изготавливающих детали, входящие в состав изделий оборонзаказа, может привести к осложнениям в боевых действиях.

Для российской уголовно-правовой системы при оценке любых организационных действий используется доктрина «соучастия», согласно которой главной фигурой является исполнитель, а осведомленность о совместном совершении преступления является обязательным признаком⁴. Нет исполнителя — нет преступления.

В связи с этим организационная деятельность по склонению нескольких лиц для совместного группового совершения противоправных деяний с позиции действующего российского уголовного законодательства рассматривается лишь как приготовление к совершению преступлений (ч. 6 ст. 30 УК России). В рамках такой концепции логично, что само по себе наличие сговора либо подыскание на совершение противоправных деяний не может быть основанием для уголовного преследования⁵.

Количество составов преступлений в Особенной части УК России, фактически предусматривающих ответственность за сговор, но сконструированных как оконченное преступление, возрастает. В теории российского уголовного права установление ответственности за сговор (создание банды, террористической организаций, преступного сообщества и пр.) объясняют в рамках теории усеченных составов. Так, П. Агапов указывает, что с точки зрения стадий развития умышленной преступной деятельности создание организованной группы является приготовлением к преступлению. Однако учитывая особую степень общественной опасности бандитизма, законодатель переносит момент окончания преступления на более раннюю стадию⁶.

⁴ Курс уголовного права. В 5 т. Т.1. М. 2002. С. 394-396.

⁵ Мондохонов А. Сговор не основание для уголовной ответственности // Российская юстиция 2002. № 12. С. 51-53.

⁶ Агапов П. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью // СПС КонсультантПлюс.

На самом деле само по себе создание организации или иной структурно оформленной общности людей, ставящей своей целью совершение определённых деяний, каждое из которых возможно и не влечёт существенного вреда (это на практике встречается часто), представляет повышенную общественную опасность и обладает всеми признаками для закрепления таких случаев в Особенной части в качестве окончанных преступлений. Сказанное в полной мере относится к случаям склонения или иного вовлечения, без применения насилия и без угрозы его применения, в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. Организационная деятельность по склонению лиц, отбывающих уголовное наказание в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, к групповому воспрепятствованию деятельности указанных учреждений хотя фактически и выступает умышленным созданием условий для осуществления одним или несколькими лицами противоправных деяний, но представляет повышенную общественную опасность, обладает социальной значимостью, возможностью следования запрету на их совершение и массовостью, типичностью и устойчивостью своих проявлений; а также процессуальной осуществимостью контроля за исполнением запрета на его совершение и возможностью доказывания события его совершения⁷, то есть этому виду деяний присущи все основания для криминализации и его закрепления в Особенной части УК России в качестве окончанного преступления.

Установление в Особенной части УК России уголовного запрета на совершение склонения лиц к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, не противоречит Конституции, международным договорам Российской Федерации и в целом законодательству Российской Федерации, имеет превентивное значение и, как представляется, повлечёт положительные последствия.

Теоретической основой криминализации организационной деятельности по склонению других лиц к участию в групповом воспрепятствовании деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, фактически является доктрина «сговора», в соответствии с которой создание преступного объединения рассматривается как окончанное преступление в момент достижения договорённости вне зависимости от того, совершено или нет в исполнение договорённостей какое-либо из деяний, предусмотренных в Особенной части уголовного или иного закона.

Объектом посягательств при организации нескольких лиц для совместного группового совершения противоправных действий являются общественные отношения, обеспечивающие права физических лиц на объединение, которое закреплено Конституцией Российской Федерации наряду с запретом использования гарантированных Конституцией прав в ущерб другим лицам (ст. 17, 30 и 31 Конституции)⁸.

Причём такого рода организационная деятельность может иметь сугубо ситуативный характер, когда организатор объединяет таких лиц для решения конкретной противоправной ограниченной во времени задачи. Организация такого рода объединения и совершаемые организатором преступления посягают на разные объекты и в связи с этим должны оцениваться по совокупности.

⁷ Основания уголовно-правового запрета. М.: Наука. 1982.

⁸ Михайлов В.И. Об отдельных теоретико-правовых проблемах борьбы с коррупцией в организационных формах // Юридический мир, 2019. № 9. С. 38.

Примером построения запрещающей организационную деятельность в целях совершения не только преступлений, но и в отдельных случаях административных деяний⁹ может быть норма ст. 322.1 «Организация незаконной миграции» УК России.

Склонение лиц к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, является окончательным преступлением с момента умышленного создания виновным лицом условий для неповиновения требованиям администрации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. На оценку действий виновного, предпринимавшего опосредовано или лично меры убеждения/принуждения по склонению лиц к групповому неповиновению, как склонение к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, не влияет то, что лица, в отношении которых предпринимались действия по склонению их к противоправным действиям, не были привлечены к ответственности.

---

⁹ В частности, ст. 18.8 КоАП России «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации».

Гирько Сергей Иванович
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Центра исследования проблем безопасности РАН,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

Коллизии пенитенциарной преступности: вызов безопасности государства; фактор группового воспрепятствования деятельности исправительных учреждений

Термин «пенитенциарная преступность» происходит от латинского *penitentiarium* — «покаянный, исправительный» — и представляет собой систему уголовно-противоправных деяний, совершаемых в условиях принудительной изоляции от общества.

Иными словами, пенитенциарная преступность — это преступность в исправительных учреждениях (ИУ), местах лишения свободы, т.е. выделенная по месту совершения. Сюда относятся общественно опасные деяния, совершаемые в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, колониях-поселениях, воспитательных колониях, тюрьмах, следственных изоляторах (в части, касающейся осуждённых).

Согласно УПК РФ (п. 5 ст. 157), к таким преступлениям относятся: преступления, совершенные осуждёнными, отбывающими наказание в виде лишения свободы и в исправительных центрах, сотрудниками соответствующих учреждений и органов (персонал ИУ) против установленного порядка несения службы, а также преступления, совершённые в расположении ИУ иными лицами, которые там оказались в силу различных служебных и личных причин (сотрудники правоохранительных органов, адвокаты, технический персонал, родственники осуждённых и т.п.).

Говоря о комплексе проблем, связанных с положением дел в системе исполнения наказаний на фоне последних нашумевших прецедентов, связанных с беспорядками и чрезвычайными происшествиями в ряде исправительных учреждений, общим состоянием пенитенциарной преступности, особенностями современного контингента, отбывающего наказания, связанного с лишением свободы, проблемами нормативно-правового регулирования таких взаимоотношений, влиянием всех названных процессов на состояние безопасности исправительных учреждений и национальной безопасности государства в целом, следует заметить, что все они в своей основе имеют целый ряд объективных и субъективных причин.

В последние годы в средствах массовой информации стали чаще появляться сообщения о различных массовых протестных акциях в исправительных учреждениях. В большинстве случаев они начинаются с актов воспрепятствования законной деятельности администрации учреждений, а затем перерастают в насилие над персоналом колоний, захват заложников и массовые беспорядки. Групповые акции в целом связаны с отвлечением значительных ресурсов для стабилизации ситуации, общественным недоверием и, как результат, имиджевыми потерями для государства, подрывом основ его безопасности.

Безопасность в ИУ — это комплекс мероприятий, направленных на предупреждение возможной и устранение явной опасности, угрожающей спокойствию, жизни и здоровью лиц, находящихся в расположении исправительного

учреждения. Угрозу безопасности представляют, прежде всего, преступная субкультура жизнедеятельности ИУ, проявления преступных групп в местах лишения свободы, криминальная связь сотрудников с осуждёнными.

Хотел бы назвать ещё одну особенность, имеющую непосредственное отношение к характеристике современного контингента исправительных учреждений. В условиях судебной практики, направленной на гуманизацию уголовной ответственности, уменьшилась численность осуждённых, отбывающих наказания в ИУ. Только за последние 10 лет численность таких осуждённых снизилась на 180 тыс. В колонии разного типа не попали осуждённые за преступления с невысокой степенью опасности, но в то же время усилилась концентрация преступников, обладающих устойчивой криминальной позицией.

Исходя из данных статистики ФСИН России, в 2020 году на учёте уголовно-исполнительных инспекций (далее УИИ) состояло более 480 тыс. осуждённых. Из них 256 тыс. не занимались трудом и 162 тыс. — рецидивисты. В отношении более 16,7 тыс. таких осуждённых возбуждены уголовные дела за вновь совершённые преступления в период отбывания наказания. Создаёт ли это угрозу безопасности государства, и прежде всего отдельных граждан? Ответ нам представляется — вполне риторическим. Конечно, да.

Как представляется, все названные выше и некоторые другие факторы создают негативную среду и предрасположенность контингента исправительных учреждений, готовность и настрой наиболее активных из них на агрессивное противодействие законным действиям администрации ИУ.

Раскачивание ситуации в ИУ, подготовка осуждённых к противодействию администрации, как правило, имеет свою этапность. И если акты массового противодействия действиям администрации приобретают крайние формы такого поведения, то вербовка волонтёров, подбор активистов выражения недовольства действиями администрации, происходит постепенно через режиссируемое криминальными авторитетами возмущение, высказывание претензий. Впоследствии ими же оценивается такая готовность осуждённых к согласованным индивидуальным и групповым действиям и из их числа формируются активные «ячейки» противодействия законным решениям.

Именно из таких «отобранных» осуждённых впоследствии выделяются те, кто совершает побег, допускает факты группового неповиновения и дезорганизации деятельности учреждений, а также и участие в массовых беспорядках. Заметим, что число названных преступлений из года в год не уменьшается. Такие деяния криминализованы и влекут уголовную ответственность по специальным нормам УК (ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», ст. 212 «Массовые беспорядки» и др.).

Но всё начинается «с малого», когда участники последующих организованных актов воспрепятствования подбираются, вербуются и укрепляют свою криминальную квалификацию и установку. О таких подготовительных действиях нередко администрация исправительных учреждений информирована из своих источников.

Как представляется именно в этот момент, когда устойчивые структуры ещё не сформированы и роли ещё не распределены, такая деятельность должна профилактироваться и пресекаться. При этом деяния, в ходе которых лица, давшие согласие на участие, а тем более активно склоняющие других осуждённых к групповому воспрепятствованию законным действиям администрации, обеспечивающим отбывание

наказания, должны быть также криминализованы. Они уже в этом виде представляют общественную опасность уголовно-правового уровня. Такое решение предлагается разработчиками законопроекта, включающего дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации статьёй 321.2, и оно нуждается в поддержке.

Пенитенциарная система государства, уголовно-исполнительная система, протекающие в ней позитивные и негативные процессы, затрагивают значительное число граждан и их интересы. Любые отклонения от законной организации деятельности исправительных учреждений влекут за собой нарушения безопасности мест лишения свободы, отражаются на состоянии защищённости российского общества, неизбежно представляют угрозы для национальной безопасности государства.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹⁰, «угроза национальной безопасности — это совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации». Очевидно, что безопасность в УИС и конкретных ИУ должна обеспечиваться.

Национальная безопасность охватывает всё российское общество, включая субъектов пенитенциарной безопасности, как части этого общества, но и граждан, которые не находятся в юрисдикции пенитенциарных правоотношений. А таких, несомненно, — подавляющее большинство.

Всё это, с нашей точки зрения, означает ещё и то, что государственные мероприятия, проводимые в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной сферах должны быть чётко сбалансированы с правовой защитой отдельных граждан и российского общества в целом от криминальных проявлений, обеспечения безопасности как таковой и защиты их прав в процессе проведения тех или иных правоохранительных кампаний и мероприятий.

Однако как показывает анализ практики подобных мероприятий, вышеназванный баланс соблюдается далеко не всегда, а статистическая информация о деятельности уголовно-исполнительной системы в уголовно-правовой сфере нередко не отражает реально существующей картины пенитенциарной преступности, искажая её показатели.

Очевидно, что всё вышесказанное подтверждает нашу позицию о том, что современное состояние пенитенциарной преступности, даже если ограничиться только теми аспектами, которые были кратко рассмотрены в статье, представляет собой непосредственную угрозу интересам граждан и государства в целом. Кроме того, это состояние в значительной мере способствует возникновению социального напряжения в обществе и, следовательно, может создать реальную опасность для национальной безопасности Российской Федерации. Такие обстоятельства образуют комплекс условий и факторов, которые предоставляют как прямую, так и косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации, содержащихся в Стратегии национальной безопасности.

---

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» - интернетресурс – <https://base.garant.ru/401425792/#frien>- запрос от 05.09.2022.

Жилкин Максим Геннадьевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного
филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, главный редактор
журнала «Союз криминалистов и криминологов»

Организация групповых неповиновений в местах лишения свободы и содержания под стражей: общественная опасность и необходимость криминализации ненасильственных форм протеста

Групповое неповиновение в местах лишения свободы представляет собой серьёзную угрозу для нормального функционирования пенитенциарных учреждений. Такие действия могут дестабилизировать режим, создавая риски для безопасности как заключённых, так и персонала.

В условиях нарастающей экстремистской угрозы основным приоритетом уголовно-исполнительной системы должно стать противодействие деструктивному поведению осуждённых¹¹.

В настоящее время законодательные инициативы, касающиеся ответственности за вовлечение и участие в таких акциях, нуждаются в уточнении и доработке. В частности, важно разграничить такие действия, как организация, склонение и вовлечение, а также различить понятия «группового» и «массового» неповиновения.

В данной статье проводится анализ исследований, посвящённых проблеме группового неповиновения в местах лишения свободы. Особое внимание уделено подходам авторов к криминализации ненасильственных форм неповиновения и роли организаторов таких акций. Рассматриваемые источники охватывают различные аспекты, от правоприменения до оперативно-розыскной деятельности.

Анализ научных исследований группового неповиновения в местах лишения свободы выявил следующие подходы и предложения в рассматриваемой области.

В.А. Уткин рассматривает проблему принуждения в пенитенциарной системе, акцентируя внимание на необходимости её изменения. Он утверждает, что ст. 321 УК РФ и другие нормы не позволяют адекватно оценивать злостные нарушения режима, включая акты неповиновения. Автор предлагает дифференцированный подход к правовой оценке таких действий путём введения в ст. 116 УИК РФ промежуточной категории грубых нарушений между обычными и злостными нарушениями режима, что позволило бы более точно реагировать на различные уровни неповиновения. Также он предлагает расширить полномочия администрации учреждений по оценке злостности нарушения¹².

А.В. Агарков подчеркивает важность борьбы с ненасильственными формами протеста, такими как массовый отказ от пищи, саботаж и пассивное сопротивление, организуемыми группами осуждённых. Эти формы могут существенно дестабилизировать работу учреждений и требуют криминализации¹³.

¹¹ Румянцев Н.В. Административно-правовое противодействие угрозам безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 51 - 54.

¹² Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. № 1 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-prinuzhdeniya-kak-printsip-pravovogo-regulirovaniya-ispolneniya-lisheniya-svobody> (дата обращения: 23.10.2024).

¹³ Агарков А. В. Проблемные вопросы правового регулирования оперативно-розыскного противодействия групповым неповиновениям в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 3(68). С. 6–10.

М.С. Окшин акцентирует внимание на необходимости криминализации ненасильственных форм протеста, таких как отказ от пищи, членовредительство и саботаж, поскольку они могут быть столь же разрушительными для учреждения, как и насильственные действия. Криминализация таких акций поможет предотвратить скрытые формы протеста, организуемые лидерами криминальной среды¹⁴.

А.В. Шеслер и Т.Г. Антонов предлагают заменить термин «дезорганизация» на «воспрепятствование» и криминализировать оскорбления осуждённых, а также создание группировок, чтобы охватить ненасильственные действия, которые могут серьёзно повлиять на работу пенитенциарных учреждений¹⁵.

Р.З. Усеев подчеркивает важность чёткого разграничения понятий «неповиновение» и «злостное неповиновение», что поможет эффективнее бороться с ненасильственными формами групповых протестов, которые могут быть ошибочно квалифицированы и затрудняют правоприменение¹⁶.

Наша позиция о необходимости криминализации ненасильственных форм групповых неповиновений совпадает с мнением всех авторов. Мы, как и они, считаем, что такие формы протеста дестабилизируют учреждения и способствуют поддержанию влияния криминальной субкультуры.

Кроме того, мы поддерживаем дифференцированный подход к оценке ответственности организаторов и участников акций, что отражено в предложениях В.А. Уткина и других авторов. Все проанализированные выше исследования подтверждают необходимость пересмотра законодательства и предлагают различные меры для совершенствования правового регулирования групповых неповиновений в местах лишения свободы.

Мы провели анализ проекта ст. 321² УК РФ, предложенного А.М. Плешаковым и Г.С. Шкабиным, касающегося вовлечения или активного участия в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества.

В предлагаемой статье предусматривается:

1. Уголовная ответственность за склонение или иное вовлечение в групповое воспрепятствование, без применения насилия или угроз, с наказанием до шести лет лишения свободы.

2. Наказание до четырёх лет лишения свободы за активное участие в таком воспрепятствовании.

3. Призывы к групповому воспрепятствованию наказываются лишением свободы до двух лет.

Анализ выявил необходимость более чёткого разграничения ответственности за организацию, склонение и участие в акциях, а также учёта специфики ненасильственных форм протеста, выявлены его недостатки и предложены рекомендации по его совершенствованию с учётом разграничения терминов и детального анализа различных форм дестабилизирующих действий.

---

¹⁴ Окшин М.С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 133 – 137.

¹⁵ Шеслер А. В., Антонов Т. Г. Редакция ст. 321 УК РФ нуждается в изменениях // *Вестник Кузбасского института*. 2013. № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/redaktsiya-st-321-uk-rf-nuzhdaetsya-v-izmeneniyah> (дата обращения: 23.10.2024).

¹⁶ Усеев, Р. З. Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения: проблемы интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы / Р. З. Усеев // *Уголовная юстиция*. – 2019. – № 13. – С. 117-121.

1. В проекте статьи не выделена ответственность за организацию акций неповиновения, что создает недостаточную дифференциацию ответственности. На наш взгляд, это серьёзный пробел, так как именно организация — основное действие, которое является ключевым в таких акциях. Организаторы, часто являющиеся лидерами преступного мира, обладают значительным авторитетом среди заключённых, и их слово может стать катализатором массового неповиновения.

Вместо этого проект объединяет такие деяния, как склонение и вовлечение, хотя это различные формы воздействия на личность. Склонение — это активные действия по побуждению лица к участию в противоправных действиях, включая использование таких способов, как уговоры, обман, шантаж и другие методы. Вовлечение подразумевает некую деятельность, а не конкретные действия, направленные на участие в акте неповиновения. Термин «вовлечение» здесь неприемлем, так как неповиновение — это не деятельность, а чаще всего разовые акции бездействия, которые хотя и могут носить систематический характер.

2. Организация акций массового неповиновения является наиболее опасной формой преступного поведения. Организаторы координируют действия других лиц, используют свой статус и влияние для мобилизации заключённых и могут вызвать серьёзные последствия для учреждения. Их роль значительно превосходит роль тех, кто склоняет или участвует в таких акциях. Организация акций массового или группового неповиновения должна быть выделена в отдельный состав преступления в проектируемой норме, так как это ключевая форма воздействия, которая имеет наибольшую общественную опасность.

3. Проект закона использует термин «групповое воспрепятствование», который не раскрывает количество участников, характер и масштаб действий. Групповое воспрепятствование (которое в примечании к статье раскрывается через понятие «неповиновение») предполагает участие нескольких лиц, но не всегда создает значительные угрозы для безопасности учреждения. В то время как массовое неповиновение подразумевает значительно большее количество участников и может привести к гораздо более серьёзным последствиям.

Важно чётко различать групповое и массовое воспрепятствование (неповиновение). Массовые акции носят систематический характер, они опаснее и масштабнее по своим последствиям, что требует более строгого регулирования и наказания.

Введение более чёткого разграничения между организацией, склонением и участием в групповых или массовых акциях неповиновения позволит повысить эффективность правового регулирования в сфере борьбы с дестабилизирующими действиями в местах лишения свободы. Применение термина «массовое неповиновение» также обеспечит более точное понимание масштабов угрозы и позволит дифференцировать наказания в зависимости от уровня вовлеченности и последствий действий заключённых.

Определение «массовости» в УК РФ не имеет чёткой количественной характеристики, что создает проблемы в правоприменении. Массовость остается оценочным признаком, и его интерпретация зависит от обстоятельств дела.

В условиях пенитенциарных учреждений массовость можно определять не только числом участников, но и степенью дестабилизации, вызванной действиями заключённых. Например, если 20% заключённых отказываются выполнять распоряжения администрации, это может парализовать деятельность учреждения,

поскольку персонал не сможет эффективно справиться с ситуацией. Но при этом даже небольшое количество влиятельных заключённых может организовать протест и заставить остальных подчиниться, что может быть более опасным, чем действия большой группы без лидеров.

Существуют несколько подходов к разрешению этой проблемы:

1. Закрепление количественных критериев. Один из вариантов — законодательно указать конкретное количество участников (например, 10 и более лиц), чтобы считать действие массовым. Однако такой формальный подход может не учитывать все особенности конкретных ситуаций.

2. Ориентир на судебную практику. В отсутствие точного определения правоприменители могут опираться на судебную практику, в которой уже сложились определённые критерии для определения массовости в зависимости от обстоятельств.

3. Оценочный подход. Массовость можно рассматривать с учётом влияния действий на общественную безопасность. Даже небольшая группа может вызвать серьёзные последствия для учреждения, что позволяет признать действия массовыми.

4. Экспертная оценка. В сложных случаях можно привлекать экспертов для анализа того, как количество участников повлияло на порядок и безопасность учреждения, чтобы суды могли вынести объективное решение.

Таким образом, массовость следует определять не только по количеству участников, но и по их влиянию на порядок и работу учреждения.

Кроме того, ряд авторов высказывается о том, что одной форм неповиновения выступает саботаж. Однако данный термин отсутствует в уголовно-правовом тезаурусе, в связи с чем его следует сформировать в контексте уголовно-исполнительной системы.

Саботаж в учреждениях уголовно-исполнительной системы представляет собой преднамеренное и злостное воспрепятствование нормальной деятельности этих учреждений, проявляющееся в формах бездействия, характерных именно для пенитенциарных учреждений.

Основные формы саботажа включают:

1. Отказ от выхода на проверку, учёбу или работу: заключённый под стражу или осуждённый к лишению свободы сознательно уклоняется от выполнения своих обязанностей, что может привести к нарушению порядка и безопасности в учреждении.

2. Отказ от приёма пищи: игнорирование распорядка дня и отказ от участия в установленном режиме питания могут негативно сказаться на здоровье и дисциплине.

3. Сознательное игнорирование требований администрации: заключённый под стражу или осуждённый к лишению свободы не выполняет законные указания руководства, что подрывает авторитет администрации и создает условия для дестабилизации работы учреждения.

4. Формы бездействия: это могут быть различные проявления неактивности, такие как отсутствие реакции на обращения, игнорирование других членов коллектива и отсутствие сотрудничества.

Таким образом, пенитенциарный саботаж определяется как злостное и преднамеренное расстройство работы учреждения, включая скрытое противодействие выполнению обязанностей. Это создает угрозу функционированию учреждения и безопасности сотрудников и подопечных.

С учётом изложенных выше позиций и контраргументов предлагаем собственный проект уголовно-правовой нормы.

Статья 321². Массовое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

1. Организация массового воспрепятствования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, без применения насилия или угрозы его применения, — наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

2. Склонение к участию в массовом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, без применения насилия или угрозы его применения, совершённое путём уговоров, обмана, угрозы уничтожения или повреждения имущества, шантажа, злоупотребления доверием или служебным положением, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Активное участие в массовом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, — наказывается лишением свободы на срок до трёх лет.

4. Призывы к массовому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, если такие призывы привели к нарушению установленного порядка, — наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

Примечание. 1. Под массовым воспрепятствованием деятельности учреждения понимаются действия, совершённые группой из значительного числа подозреваемых, обвиняемых или осуждённых к лишению свободы, направленные на неповиновение законным требованиям сотрудников учреждения, членовредительство, уничтожение или повреждение имущества учреждения, саботаж либо иные действия, существенно нарушающие установленный порядок функционирования учреждения.

Меркурьев Виктор Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления
законности в сфере федеральной безопасности, международных отношений
и противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации

Хохрин Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы права
Югорского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗЛОСТНЫХ НАРУШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ

Проводимая в последние годы уголовно-правовая политика государства оказывает существенное влияние на порядок функционирования учреждений Уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). В результате принятых изменений в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, а также активного применения альтернативных лишению свободы наказаний в исправительных учреждениях (далее — ИУ) складывается устойчивая тенденция снижения количества осуждённых. В то же время мы можем отметить повышение криминальной активности осуждённых в ИУ, поскольку количество лиц, отбывающих лишение свободы три и более раз, достигло более 40%¹⁷ от общего количества осуждённых. В том числе и по этой причине происходит рост количества зарегистрированных преступлений, совершаемых осуждёнными в ИУ и лицами, заключёнными под стражу, в период их пребывания в следственных изоляторах (далее — СИЗО). Об этом свидетельствует ведомственная статистика, предоставляемая ФСИН России (рис.1).

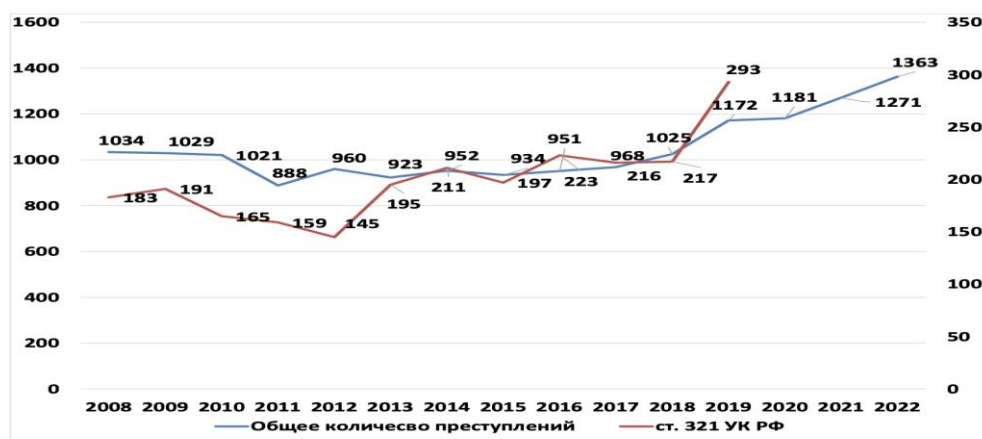

Рис. 1 Количественные показатели преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, с указанием динамики показателей числа преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ.

¹⁷ Хохрин, С. А. Некоторые особенности анализа материалов, представленных на экспертизу в отношении экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» / С. А. Хохрин // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 85-89. – DOI 10.18822/byusu20240185-89. – EDN MJWUQ

Анализируя количественные показатели преступлений, совершаемых осуждёнными и заключёнными в ИУ и СИЗО соответственно, необходимо отметить, что начиная с 2020 года официально опубликованных актуальных данных о количестве преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ «Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», нет. В форме отчётности ФСИН России «О состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС» убрано само упоминание о данной норме, следовательно, категория рассматриваемых преступлений, как мы считаем, учитывается в графе «Иные преступления». Это вызывает некоторое недоумение, поскольку отказ от учёта данного вида пенитенциарных преступлений, по нашему мнению, способствует повышению уровня их латентности и не способствует криминологическому пониманию оперативной обстановки на территории пенитенциарных учреждений. Высказанная позиция получила своё подтверждение и в юридической литературе¹⁸.

Рис. 2. Показатели процентного соотношения лиц, стоящих на профилактическом учете в исправительных учреждениях, и количества осужденных, признанных злостными нарушителями, от общей численности осужденных (в %).

Мы согласны с характеристиками М.С. Окшина о сложности оперативной обстановки в исправительных учреждениях в 2024 году¹⁹. Косвенно это подтверждается показателями количества лиц, стоящих на профилактическом учёте в исправительных учреждениях в 2010–2023 годах (рис. 2). Необходимо отметить, что в юридической литературе отмечалось, что при общей тенденции снижения количества осуждённых, отбывающих наказание, показатели удельного веса лиц, стоящих на профилактическом учёте в исправительных учреждениях, и количества осуждённых, признанных злостными нарушителями, от общей численности осуждённых к 2022 году практически выровнялись²⁰.

Перечень деяний, признаваемых злостными нарушениями режима содержания, регламентирован в ст. 116 УИК РФ. И как справедливо отмечали некоторые авторы,

¹⁸ Уткин, В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы / В. А. Уткин // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 1(57). – С. 29-36. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003. – EDN UEEFZR

¹⁹ Окшин, М. С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве / М. С. Окшин // *Ius Publicum et Privatum*. – 2024. – № 2(26). – С. 133-137. – DOI 10.46741/2713-2811.2024.26.2.015. – EDN DIITAI

²⁰ Морозов, А. С. Актуальные вопросы постановки на профилактический учет лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности / А. С. Морозов, Е. В. Бабкина // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6, № 3(23). – С. 371-380. – DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-371-380. – EDN DFNXJE.

одним из наиболее опасных является неповиновение представителям администрации²¹. По сути, в новом приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 24.10.2024 № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» этим происшествиям, носящим чрезвычайный характер либо влекущим широкий общественный резонанс, также уделено внимание. Прокурорам предписано незамедлительно выезжать на места для проверки их обстоятельств, выяснения и устранения их причин и условий и решения вопроса о привлечении виновных к ответственности (абз. 1 п. 1.9). По каждому случаю смерти заключённых под стражу и осуждённых, причинения телесных повреждений, объявления голодовок и совершения иных протестных действий организовывать проведение всесторонних проверок обстоятельств данных событий, причин и условий, им способствующих (абз. 2 п. 1.0).

Очевидно, в основе совершения неповиновения находится возникший и развивающийся во времени пенитенциарный конфликт между осуждёнными и сотрудниками учреждения, который в последние годы приобретает всё более непримиримый характер. При этом, по результатам проведённых нами исследований, отмечаются некоторые юридические особенности совершения указанных действий²².

Например, к таким особенностям мы можем отнести осуществление неповиновения администрации в виде демонстративно-шантажных действий. Осуждённые с целью оказания давления на сотрудников учреждения активно применяют совершение группового членовредительства, массовые отказы от приёма пищи, повреждение или уничтожение имущества, принадлежащего исправительному учреждению. Для освещения (трансляции) данных актов используются онлайн-ресурсы, мобильные приложения и социальные сети. Мы согласны с высказанным в юридической литературе мнением о том, что в последнее время случаи неповиновения администрации чаще всего проявляются в пассивном, сдержанном поведении или в открытом публичном заявлении осуждённых и лиц, содержащихся под стражей, об отказе выполнять законные требования администрации, в редких случаях — в их игнорировании²³.

Анализ административной и судебной практики по указанной категории правонарушений показывает, что осуждённые стали в большей степени организованы, роль руководителей и координаторов становится более чётко выраженной. Происходит изменение тактики неповиновений, снижается возможность силового способа решения данного конфликта. Указанные факты нашли своё подтверждение и в специальной литературе²⁴.

---

²¹ Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Неповиновение представителям администрации исправительного учреждения: правовая природа и отграничение от преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 1. С. 36–43. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.036-043

²² Павлова, Л. В. Организационно-правовые аспекты взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с иными федеральными органами исполнительной власти при выполнении задач в кризисных ситуациях / Л. В. Павлова, С. А. Хохрин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. – 168 с. – ISBN 978-5-466-03653-4. – EDN ZJDCCY.

²³ Усеев, Р. З. Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения: проблемы интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы / Р. З. Усеев // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – С. 117-121. – DOI 10.17223/23088451/13/23. – EDN TFSCNW.

²⁴ Маликова Н. Б., Назарова А. Б. Профилактика групповых неповиновений в учреждениях уголовно-исполнительной системы (аналитический обзор с предложениями). Москва : ФКУ НИИ ФСИН России : УВСПР ФСИН России, 2022. С.9.

Отмечается также активное привлечение к событиям в ИУ и СИЗО средств массовой информации, родственников осуждённых, адвокатов и правозащитников.

Для рассмотрения особенностей предупредительной деятельности неповиновения администрации интересен исторический опыт решения данного вопроса. В ст. 188³ УК РСФСР от 27 октября 1960 года предусматривалась ответственность за «злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения». Она наступала за «злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительно-трудового учреждения либо иное противодействие администрации в осуществлении её функций лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру) или переводилось в тюрьму»²⁵. Указанная норма позволяла сотрудникам более эффективно противодействовать осуждённым при невыполнении ими законных требований администрации ИУ.

Сказанное побуждает, как мы считаем, к поиску адекватного реагирования на подобные эксцессы в виде применения ряда мер, которые позволят пресекать и предупреждать факты массового неповиновения. Отсутствие насилия по отношению к другим осуждённым и сотрудникам пенитенциарных учреждений в нынешних условиях не позволяют квалифицировать подобные общественно опасные деяния по ст. 321 УК РФ.

Принимая во внимание все аспекты осуществления служебной деятельности по обеспечению пенитенциарной безопасности, необходимо учитывать и весь спектр способов и практик участия осуждённых в противоборстве законным требованиям персонала ИУ и СИЗО.

Поэтому следует расширить уголовную ответственность за совершение общественно опасных действий против порядка отбывания наказания, не связанных с дезорганизацией деятельности ИУ. Установленные действующим законодательством санкции за совершение групповых неповиновений, массового членовредительства в учреждениях УИС не соответствуют высокой общественной опасности и распространённости данного деяния и не являются существенным сдерживающим фактором для предупреждения более общественно опасных форм разрешения пенитенциарных конфликтов.

Ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁶ (далее — КоАП РФ) за «неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации» установлена максимальная ответственность в виде административного штрафа в размере от 2 000 до 4 000 рублей. Однако эта санкция явно недостаточна и не соответствует общественной опасности данного деяния с учётом количества совершаемых противоправных действий исследуемого вида. Несмотря

²⁵URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ce586f8283002d633d7c161c5bd3e22032266008/?ysclid=m2e7wij865311691410 СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.10.2024).

²⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

на наличие повторной ответственности и увеличение штрафа от 10 000 до 20 000 рублей, количество лиц, призывающих к совершению и совершающих групповые неповиновения и массовое членовредительство, продолжает оставаться стабильно высоким.

В этой связи предлагаем установить уголовную ответственность за организацию групповых неповиновений и массового членовредительства в учреждениях УИС. За активное участие в указанных действиях к уголовной ответственности могут привлекаться исключительно лица, ранее в течение года подвергнутые административному наказанию по ст. 19.3 КоАП РФ.

Ранее в уголовном законодательстве содержался перечень уголовно наказуемых деяний, состоящих в создании организованных групп на территории ИУ, в том числе отрицательной направленности, терроризирующих в местах лишения свободы осуждённых, вставших на путь исправления, или совершающих нападения на администрацию (ст. 77¹ УК РСФСР), что по своей сути было удачным и проверенным временем способом решения проблемы. Именно поэтому мы считаем, что в УК РФ необходимо предусматривать ответственность за организацию групповых неповиновений по аналогии с массовыми беспорядками.

«Статья 321.2. Организация злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы и участие в них

1. Организация злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы, выраженных в забастовках и (или) массовом прекращении работ осуждёнными, групповом отказе от работы и (или) её прекращении без уважительных причин, массовом отказе от приёма пищи (голодовке), невыходе на проверку, отказе выйти из камеры или другого помещения или войти в них, членовредительстве или ином виде аутоагрессии, повреждении или уничтожении имущества, принадлежащего исправительному учреждению, —

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Участие в злостных нарушениях установленного порядка отбывания наказания осуждёнными, предусмотренных частью первой настоящей статьи, совершённое лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное частью второй статьи 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, или имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьёй, —

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трёх лет, либо лишением свободы на тот же срок.»

В качестве заключения необходимо отметить, что предложения о введении нормы, предусматривающей ответственность за организацию злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы или заключёнными под стражу, а также участие в них, являются своевременными и обоснованными. Как справедливо отмечалось в юридической литературе, «когда злостные нарушения режима превращаются в систему, они приобретают в силу кумулятивного эффекта качество общественной опасности преступления и в случае

безуспешности других мер воздействия, принятых администрацией ИТУ, должны влечь за собой уголовную ответственность»²⁷.

Организация и вовлечение осуждённых в совершение рассматриваемых деяний используются лидерами криминальной среды для оказания психологического давления на руководство исправительных учреждений в целях удовлетворения своих незаконных требований и ослабления режима содержания. А отсутствие правовых оснований привлечения к ответственности организаторов и активных участников исследуемых деяний приводит к высокому уровню латентности злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания и снижению превентивного характера административных и дисциплинарных мер воздействия, которое также отмечалось в юридической литературе²⁸.

Дополнительно отметим, что применению уголовно-правовой нормы должно предшествовать назначение дисциплинарной (административной) преюдиции — реализация уголовной ответственности за злостные нарушения режима содержания в ИУ и СИЗО возможна в тесном взаимодействии с нормами уголовно-исполнительного и административно-деликтного законодательства.

---

²⁷ Ременсон А.Л. Ещё раз о возможности установления уголовной ответственности за систематические злостные нарушения режима отбывания наказания в ИТУ // Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета (январь 1975 г.). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. - С. 194-197. Уткин, В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы / В. А. Уткин // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 1(57). – С. 29-36. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003. – EDN UEEFZR

²⁸ Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Неповиновение представителям администрации исправительного учреждения: правовая природа и отграничение от преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 1. С. 36–43. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.036-043

Безручко Евгений Валерьевич,
*доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета*

К вопросу об уголовной ответственности за групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

В ст. 321 УК РФ установлена уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Законодатель не раскрывает понятие дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Путём буквального толкования уголовного закона, исходя из диспозиции ч. 1 ст. 321 УК РФ, в понятие дезорганизации включены такие действия, как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осуждённого, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осуждённого или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, а также деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 321 УК РФ, совершённые в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких (ч. 2 ст. 321 УК РФ), и деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 321 УК РФ, совершённые организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 321 УК РФ).

В настоящее время весьма актуальным является вопрос криминализации воспрепятствования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, совершённого в соучастии, то есть групповым способом.

Анализ постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по ст. 321 УК РФ приводит к выводу о том, что практически все такие постановления вынесены на законных основаниях, ввиду того, что в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Применение же уголовного закона по аналогии не допускается в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ. В связи с этим такие деяния, как групповые неповиновения, выражающиеся в демонстративно-шантажных деяниях (актах группового членовредительства, групповых отказах от приёма пищи, групповом пассивном воспрепятствовании выполнению сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации своих служебных обязанностей)²⁹, могут быть признаны злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, но не преступлением, не уголовно наказуемым деянием.

Поэтому следует поддержать предложения Александра Михайловича Плешакова и Геннадия Сергеевича Шкабина об установлении уголовной ответственности за групповое неповиновение представителям администрации исправительного

---

²⁹ Окшин М.С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 133-137.

учреждения, выражающееся в воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества³⁰.

Практика показывает, что групповые неповиновения могут быть организованы лицом непосредственно при отбывании им дисциплинарного наказания в штрафном изоляторе или помещении камерного типа, причём, учитывая традиции криминальной среды, для их организации в отдельных случаях достаточно одной фразы, фактически призывающей к неповиновению, к организации группового воспрепятствования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества³¹.

Таким образом, лицо осуществляет фактическое склонение лица или лиц к групповому неповиновению с целью дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в том числе путём публичных призывов к совершению таких действий.

При конструировании норм об уголовной ответственности за групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, следует обратиться к имеющимся правилам законодательной техники при построении аналогичных норм уголовного закона об ответственности за содействие, склонение к совершению преступлений террористического характера, а также разъяснениям высшей судебной инстанции относительно правовой оценки таких действий и определения понятий склонения и публичных призывов применительно к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности.

Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано: «При рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ, под склонением, вербовкой или иным вовлечением определённого лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определённого лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путём уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершённые посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений».

Аналогично в п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано: «При рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью 1.1 статьи 282.1 либо частью 1.1 статьи 282.2 УК РФ, под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определённого лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путём уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершённые посредством размещения

³⁰ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Неповиновение представителям администрации исправительного учреждения: правовая природа и отграничение от преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1-4). № 1. С. 36-43.

³¹ Окшин М.С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 2 (26). С. 133-137.

материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации.

В абзаце 3 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» говорится о том, что «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий».

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова под призывом³² понимается:

1. Политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование.

2. Просьба, мольба. Призыв о помощи. Услышать чей-нибудь призыв. Откликнуться на чей-нибудь призыв.

3. Установленное законом привлечение граждан к выполнению воинской обязанности.

В соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» «Под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в ст. 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ».

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» «под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности».

В связи с этим мы предлагаем при установлении уголовной ответственности за групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, использовать не единичный призыв, по своей сущности совпадающий со склонением или иным вовлечением лица в преступную деятельность, а словосочетание «публичные призывы», наиболее верно отражающее сущность криминализируемого общественно опасного деяния.

Слова «активное участие» и «существенно нарушающих» предлагаем не использовать в проекте криминализируемого деяния в связи с тем, что данные

---

³² Словарь русского языка С.И. Ожегова // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23783>.

оценочные категории осложняют правоприменение ввиду неоднозначности формулировок и содержания предлагаемой нормы.

В результате мы предлагаем установить уголовную ответственность в ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»: в ч. 1 — за «публичные призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества», в ч. 2 — за «склонение или иное вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, а равно руководство таким групповым воспрепятствованием деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества», в ч. 3 — за «участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества».

Часть первую, вторую и третью действующей редакции ст. 321 УК РФ предлагаем считать соответственно частью четвёртой, пятой и шестой.

В примечании к ст. 321 УК РФ предлагается определение группового воспрепятствования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, а также установление специального основания освобождения от уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного частью третьей предлагаемой редакции ст. 321 УК РФ.

В результате проведённого исследования предлагается следующая редакция ст. 321 УК РФ:

«Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

1. Публичные призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

2. Склонение или иное вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, а равно руководство таким групповым воспрепятствованием деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, —

наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

3. Участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, —

наказываются лишением свободы на срок до четырёх лет.

4. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осуждённого, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осуждённого или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

5. Деяния, предусмотренные частью четвёртой настоящей статьи, совершённые в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

6. Деяния, предусмотренные частями четвёртой и пятой настоящей статьи, совершённые организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

Под групповым воспрепятствованием деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в настоящей статье понимаются совершение группой подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, или осуждённых к лишению свободы неповиновения законному требованию сотрудника места содержания под стражей или места лишения свободы, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительства), повреждения или уничтожения чужого имущества либо иных действий (бездействия), без применения насилия или угрозы его применения к другим лицам, нарушающих установленный порядок функционирования места содержания под стражей или места лишения свободы.

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления.»³³.

---

³³ Литература: 1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2024; 2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС Консультант Плюс; 3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. От 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС Консультант Плюс; 4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС Консультант Плюс; 5. Окшин М.С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 133-137; 6. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Неповиновение представителям администрации исправительного учреждения: правовая природа и отграничение от преступлений // *Уголовно-исполнительное право*. 2024. Т. 19(1-4). № 1. С. 36-43; 7. Словарь русского языка С.И. Ожегова // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23783>.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации****Статья 1**

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 2001, № 11, ст. 1002; 2003, № 50, ст. 4848) изменение, дополнив его статьей 321² следующего содержания:

«Статья 321². Вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества

1. Склонение или иное вовлечение, без применения насилия или угрозы его применения, в групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, —

наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

2. Активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, —

наказываются лишением свободы на срок до четырёх лет.

3. Призывы к групповому воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

Примечание.

1. Под групповым воспрепятствованием деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в настоящей статье понимаются совершение группой подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, или осуждённых к лишению свободы неповиновения законному требованию сотрудника места содержания под стражей или места лишения свободы, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительства), повреждения или уничтожения чужого имущества либо иных действий (бездействия), без применения насилия или угрозы его применения

к другим лицам, существенно нарушающих установленный порядок функционирования места содержания под стражей или места лишения свободы.

2. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления.».

Статья 2

Подпункт «а» пункта 1 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921; 2002, № 22, ст. 2027; № 30, ст. 3020, 3029; № 44, ст. 4298; 2003, № 27, ст. 2700, 2706; № 50, ст. 4847; 2004, № 27, ст. 2711; 2005, № 1, ст. 13; 2006, № 28, ст. 2975, 2976; № 31, ст. 3452; 2007, № 1, ст. 46; № 24, ст. 2830, 2833; № 49, ст. 6033; № 50, ст. 6248; 2009, № 11, ст. 1267; № 44, ст. 5170; 2010, № 1, ст. 4; № 15, ст. 1756; № 21, ст. 2525; № 27, ст. 3431; № 31, ст. 4164, 4193; № 49, ст. 6412; 2011, № 1, ст. 16; № 23, ст. 3259; № 30, ст. 4598, 4605; № 45, ст. 6334; № 50, ст. 7361, 7362; 2012, № 10, ст. 1162, 1166; № 30, ст. 4172; № 31, ст. 4330, 4331; № 47, ст. 6401; № 49, ст. 6752; № 53, ст. 7637; 2013, № 26, ст. 3207; № 27, ст. 3442, 3478; № 30, ст. 4078; № 44, ст. 5641; № 51, ст. 6685; № 52, ст. 6945; 2014, № 19, ст. 2303, 2310, 2333; № 23, ст. 2927; № 26, ст. 3385; № 30, ст. 4219, 4259, 4278; № 48, ст. 6651; 2015, № 1, ст. 83, 85; № 6, ст. 885; № 21, ст. 2981; № 29, ст. 4391; 2016, № 1, ст. 61; № 14, ст. 1908; № 18, ст. 2515; № 26, ст. 3868; № 27, ст. 4256, 4257, 4258, 4262; № 28, ст. 4559; № 48, ст. 6732; № 52, ст. 7485; 2017, № 15, ст. 2135; № 24, ст. 3489; № 31, ст. 4743, 4752, 4799; № 52, ст. 7935; 2018, № 1, ст. 53, 85; № 18, ст. 2569, 2584; № 27, ст. 3940; № 31, ст. 4818; № 53, ст. 8446, 8456; 2019, № 14, ст. 1459; № 30, ст. 4108, 4111; № 44, ст. 6175; № 52, ст. 7818; 2020, № 8, ст. 919; № 14, ст. 2030; № 15, ст. 2235; № 42, ст. 6515; № 44, ст. 6894; 2021, № 9, ст. 1472; № 13, ст. 2135; № 27, ст. 5109, 5113; 2022, № 10, ст. 1389; № 13, ст. 1952; № 29, ст. 5227; № 39, ст. 6535; № 41, ст. 6944; 2023, № 1, ст. 33; № 16, ст. 2750; № 18, ст. 3234, 3238; № 25, ст. 4425; № 32, ст. 6145) после цифр «321» дополнить цифрами «321²»,».

Статья 3

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
к проекту федерального закона
«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации»

Поведение лиц, содержащихся в местах содержания под стражей, а также осуждённых в местах лишения свободы строго регламентировано федеральными законами и принятыми на их основе подзаконными нормативными актами. Они находятся в этих учреждениях на основании соответствующего решения суда в связи с совершением преступления либо подозрением или обвинением в его совершении. Складывающиеся в данной сфере общественные отношения охраняются соответствующими нормами права.

Вместе с тем в названных учреждениях совершаются общественно опасные деяния, которые воспрепятствуют установленному порядку их деятельности, но уголовная ответственность за их совершение не предусмотрена. Это может выражаться, например, в неповиновении требованию сотрудника места содержания под стражей или места лишения свободы, причинении себе какого-либо повреждения (членовредительства), повреждения или уничтожения чужого имущества либо иных действий (бездействия). Каждый такой поступок, совершённый в отдельности, существенно не влияет на работу учреждения. Однако когда в подобные деяния целенаправленно вовлекаются группы подозреваемых, обвиняемых или осуждённых, то они способны фактически парализовать деятельность всего учреждения, а в последствии привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений и причинению значительного имущественного вреда.

За последнее время количество групповых воспрепятствований деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, увеличилось в несколько раз. Только с 2019 по 2023 годы их было совершено 166, в результате чего государству был причинён материальный ущерб на сумму 75 059 617,5 рублей.

Как правило, инициатива в совершении рассматриваемых деяний принадлежит лицам, обладающим лидерскими качествами в криминальной среде. Чаще всего они вовлекают в такие действия других подозреваемых, обвиняемых или осуждённых без применения насилия или угрозы его применения. Это выражается в императивном требовании или призыве к совершению определённых действий (или отказу от их совершения), которые нарушают правила внутреннего распорядка в местах заключения под стражей или требования режима в исправительных учреждениях. При этом значительная часть лиц не может отказаться от принятия участия в таких акциях, так как криминальная субкультура предполагает применение к ним мер воздействия, которые могут сделать дальнейшее их нахождение в местах изоляции от общества затруднительным. Это может произойти как в результате публичного

оскорбления, так и другого нарушения их прав и законных интересов в микросоциальной среде.

Общественная опасность рассматриваемых деяний соизмерима с насилием или угрозой его применения в отношении осуждённого с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК РФ). Негативное воздействие на установленный порядок функционирования учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, от действий или бездействия групп подозреваемых, обвиняемых или осуждённых, которые порой достигают численности более 100 человек, гораздо больше, чем от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 321 УК РФ. Лица, совершающие описанные деяния, осознавая, что им не грозит уголовная ответственность, активно используют их как способ шантажа администрации учреждения для достижения своих незаконных целей.

Проведённое исследование демонстрирует, что 90% лиц, вовлекающих или призывающих к воспрепятствованию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, ранее были судимы. К 91% применялись меры дисциплинарного воздействия. Причём к 92% из них в течение года применялись наиболее строгие меры взыскания в виде водворение в карцер (для подозреваемых или обвиняемых), штрафной или дисциплинарный изолятор, перевод в помещения камерного типа, одиночную камеру или в единые помещения камерного типа (для осуждённых). Из всех установленных фактов 67% случаев были совершены лицами, уже находящимися в запираемых помещениях (штрафные изоляторы, одиночные камеры и т.п.).

Приведённые данные свидетельствуют о том, что предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством средства реагирования на рассматриваемые общественно опасные деяния не приносят желаемого результата. Данное обстоятельство обуславливает необходимость дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей ответственность за вовлечение либо активное участие в групповом воспрепятствовании деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества.

Такое решение соответствует позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которая состоит в том, что уголовный закон по своей правовой природе является крайним, исключительным средством. С его помощью государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности (Определение от 10 июля 2003 года № 270-О, постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П, от 31 марта 2023 года № 13-П и др.).

Признак существенности нарушения установленного порядка функционирования места содержания под стражей или места лишения свободы, предусмотренный в примечании 1 к ст. 321² УК РФ, позволяет отграничить рассматриваемое деяние от организации забастовок или иных групповых неповиновений, а также других видов

злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осуждёнными к лишению свободы (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

Предлагаемые изменения не повлекут внутренних противоречий между положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, а также между Уголовным кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами Российской Федерации.

Устанавливаемое наказание в виде лишения свободы соответствует характеру и степени общественной опасности деяний, а также соразмерно с наказанием за смежные преступления (ч. 1 ст. 321 УК РФ).

Законопроект соответствует положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации.

Реализация положений, предусмотренных законопроектом, не повлечёт социально-экономических, финансовых и иных последствий, в том числе для субъектов предпринимательской и экономической деятельности, а также не повлияет на достижение целей государственных программ Российской Федерации.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
к проекту федерального закона
«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации»

Реализация Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не потребует дополнительных расходов, финансируемых за счёт средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

ПЕРЕЧЕНЬ

актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

После принятия Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не потребует признания утратившими силу, приостановления, изменения или принятия других федеральных законов.

ПЕРЕЧЕНЬ
нормативных правовых актов Президента
Российской Федерации, Правительства Российской Федерации
и федеральных органов исполнительной власти, подлежащих признанию
утратившими силу, приостановлению, изменению
или принятию в связи с принятием федерального закона «О внесении изменений
в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации»

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не потребует признания утратившими силу, приостановления, изменения или принятия нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти.

Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

О вопросах дальнейшего совершенствования законодательства
в сфере деятельности Федеральной службы исполнения наказаний
(ФСИН России)

Аналитический вестник № 28 (878)

Под общей редакцией
заместителя Руководителя Аппарата Совета Федерации А.С. Краско

Ответственный редактор:
начальник Информационно-аналитического управления А.Е. Петров

Редакторская группа:
А.Н. Чеботарев, Д.С. Оверчук, И.В. Макаренкова, В.Д. Четыркина

Электронная версия аналитического вестника размещена
в сети «Инtranет» Совета Федерации в разделе «Информационные материалы»
и в сети «Интернет» (www.council.gov.ru) в разделе «Аналитические материалы»
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на настоящее издание обязательна

Подписано в печать 02.12.2024. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,7. Тираж 35 экз. Заказ № и-139

Отпечатано в отделе подготовки и тиражирования документов
Управления информационных технологий и документооборота
Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации